ВЪ ПАМЯТЬ

ОБЪ

АЛЕКСѢѢ СТЕПАНОВИЧѢ

ХОМЯКОВѢ.

2007060437

ВОСПОМИНАНІЕ

ОБЪ АЛЕКСѢѢ СТЕПАНОВИЧѢ ХОМЯКОВѢ.

Рѣчь, произнесенная въ публичномъ собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, при Московскомъ Университетѣ, Ноября 6, 1860 года.

Скорбнымъ, слезнымъ словомъ долженъ я открыть нынѣ засѣданія Общества Любителей Россійской Словесности въ наступившемъ академическомъ году: не стало нашего перваго, любимаго предсѣдателя, Алексѣя Степановича Хомякова.

Скажешь, и не вѣришь собственнымъ словамъ своимъ. Неужели это правда? Неужели умеръ Хомяковъ, онъ, въ которомъ волновался съ такою силою избытокъ жизни, съ которымъ, даже въ воображеніи, не соединялась никогда мысль о чемъ-нибудь неподвижномъ. Давно ли мы его видѣли, вотъ что онъ говорилъ, вотъ какъ онъ шутилъ! Да, вы видѣли, вы слышали его, шутили съ нимъ, можетъ быть, недавно, о теперь его уже нѣтъ, и вы не увидите, не услышите его больше никогда, не будете ни смѣяться, ни плакать съ нимъ, а только объ немъ.

Какъ же это случилось? Мудрено отвѣчать на такой простой, естественный вопросъ. Нечаянно, неожиданно, непонятно, невѣроятно,—онъ умеръ, и больше ничего почти сказать нельзя.

Странная, удивительная судьба написана, кажется, вверху нашему времени. Какъ-будто бъ тамъ, въ воздухѣ, высоко, борятся между собою два наши начала, доброе и злое, враждебныя между собою, и мы, подобно Троянамъ, поражаемымъ невидимыми стрѣлами Аполлона, чувствуемъ только

на себѣ, на нашихъ тѣлахъ, въ нашихъ душахъ, въ нашихъ обстоятельствахъ, когда побѣда склоняется на противную намъ сторону, вопреки всѣмъ соображеніямъ, ожиданіямъ и разсчетамъ. Иначе объяснить нельзя, что съ нами ежедневно случается!

Вотъ, напримѣръ, разсвѣло прекрасное утро — небо ясно и чисто, на горизонтѣ не видать ни облачка, сердце радуется, готовясь встрѣтить чудесный, свѣтозарный день. Вдругъ, откуда ни возмутся, тучи, больше и больше, гуще и гуще,—нѣсколько минутъ,—и такъ заволокло ими солнце, что зги Божіей не видно.

Или, солнце сіяетъ во всемъ своемъ блескѣ, и разливаетъ повсюду пламенные лучи, но глаза наши застилаются вставшимъ изъ земли туманомъ, и мы видяще не видимъ и слышаще не разумѣемъ.

Вы пускаетесь въ путь по дорогѣ, гладкой, ровной, давно знакомой,—но вотъ падаютъ съ неба камни, проваливается земля подъ вашими ногами, а въ другомъ мѣстѣ встаютъ снизу недосягаемые заборы, и вамъ нѣтъ возможности двинуться ни взадъ, ни впередъ.

Лучшія, извѣданныя средства приводятъ къ цѣлямъ совершенно противоположнымъ.

Гдѣ должно было ожидать навѣрное величайшей пользы, тамъ получается вредъ, а гдѣ боялись вреда, тамъ очутилась польза.

Умные люди дѣлаютъ глупости хуже пошлыхъ дураковъ.

Добрѣйшимъ людямъ вспадаютъ на мысль мѣры самыя жестокія и грубыя.

А съ мудрецовъ такъ уже кажется и не сходитъ затменіе.

Вездѣ замѣшательство, неизвѣстность, неопредѣленность, сомнѣніе, и заключаешь тѣмъ, что не вѣришь никому и ничему, а между тѣмъ вдали громъ гремитъ; перекаты его порою слышатся ближе и ближе; вонъ ужъ сверкаютъ и молніи.

Мы идемъ впередъ,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія,—но мы идемъ въ потемкахъ, толкаемся между собою, роняемъ другъ друга, падаемъ въ грязь, и часто того гляди,

что попадешь въ яму, если не въ пропасть. Иной высѣчетъ огня, но противный вѣтеръ, откуда ни возмется, задуетъ тотчасъ его одинокій факелъ, а подъ-часъ и спутники постараются избавиться отъ докучнаго свѣта. Онъ опасенъ для глазъ, говорятъ осторожные люди, или — намъ не такого надо. А вопросы, одинъ другаго важнѣе, поднимаются вездѣ поминутно, растутъ, и требуютъ немедленнаго рѣшенія. Бывали вездѣ у народовъ моменты мудреные, случались съ государствами болѣзни тяжелыя, но по крайней мѣрѣ имена ихъ были извѣстны, и чувствовалось: гдѣ, что и какъ болитъ; зналось, отъ какого лекарства можно ожидать облегченія, если не исцѣленія; но мы здоровы, мы даже ростемъ и толстѣемъ, и между тѣмъ должны поминутно вскрикивать то отъ той, то отъ другой внезапной боли, въ родѣ сухихъ банокъ; у насъ нѣтъ враговъ, нѣтъ и злодѣевъ между нами, подобныхъ какимъ-нибудь древнимъ страшилищамъ, а все-таки мы должны безпрестанно оглядываться, чтобъ какою-нибудь дружескою рукою не хватило насъ въ високъ; чтобъ какимъ-нибудь доброжелательнымъ ударомъ не раскроило лба,—тревожная, томительная жизнь, по мелочи истощающая силы. Горе тѣмъ, у кого, въ этой противной тьмѣ, глаза получаютъ иногда совиное свойство; горе тѣмъ, у кого по временамъ проявляется Кассандрино чутье: видѣть и знать, что слова напрасны, что помочь нельзя; чувствовать иногда силу, и быть осуждену на бездѣйствіе, — о, этого положенія нѣтъ мучительнѣе, душегубительнѣе!

И падаютъ, одинъ за другимъ, наши лучшіе, благороднѣйшіе люди, мыслящіе, чувствующіе, тѣ, на которыхъ отдыхалъ взоръ, о которыхъ сладко было думать, которые однимъ именемъ своимъ доставляли утѣшеніе, падаютъ безъ всякихъ достаточныхъ причинъ. Не успѣешь схоронить одного, рой могилу другому, не выпуская изъ рукъ заступа, и готовься оплакивать третьяго: за Гликсою послѣдовалъ Иннокентій, за Иннокентіемъ Грановскій, за Грановскимъ Иванъ Кирѣевскій, Петръ Кирѣевскій, за Кирѣевскими Аксаковъ, за Аксаковымъ Ивановъ.... теперь Хомяковъ. Сколько между

ними еще людей достойныхъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, потеряли мы, — и всѣ они погибли впродолженіи какихъ-нибудь пяти-шести лѣтъ, имѣвшихъ, впрочемъ, свое грозное вступленіе насильственными смертями Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова, противоестественною смертію Гоголя,—какъ будто злой рокъ давно уже придумалъ для насъ этотъ родъ нравственнаго наказанія.

Хомяковъ! Что это была за натура, даровитая, любезная, своеобразная! Какой умъ всеобъемлющій, какая живость, обиліе въ мысляхъ, которыхъ у него въ головѣ заключался, кажется, источникъ неизсякаемый, бившій ключемъ, при всякомъ случаѣ, на право и на лѣво. Сколько свѣдѣній, самыхъ разнородныхъ, соединенныхъ съ необыкновеннымъ даромъ слова, текшаго изъ устъ его живымъ потокомъ! Чего онъ не зналъ? И только слушая Хомякова можно было вѣрить баснословному преданію о Пикѣ Мирандольскомъ, предлагавшемъ преніе de omni re scibili. Другъ безъ друга они необъяснимы.

Богословъ онъ былъ первостепенный, могшій, по праву, засѣдать на любомъ соборѣ. Мірянинъ, онъ первый, послѣ Стурдзы, поднялъ знамя православной церкви предъ поклонниками папы, предъ послѣдователями Лютера и Кальвина, и три, напечатанныя имъ за границею, записки произвели волненіе въ Западной церкви Католическіе прелаты должны были сознаться: oh celui-ci est très-fort. Нѣмецкіе профессоры нахмурили брови, и собираются съ силами, чтобъ отвѣчать ему. Оксфордскіе ученые приняли Хомякова торжественно и дали ему почетный обѣдъ. Въ концѣ прошедшаго года, онъ читалъ мнѣ у себя въ деревнѣ четвертую свою записку о томъ же предметѣ, въ формѣ письма ко вновь посвященному Утрехтскому епископу. Утрехтскіе епископы, слѣдующіе ученію Янсеніеву, относятся, обыкновенно, по своемъ опредѣленіи, къ папѣ за утвержденіемъ, и папа присылаетъ имъ всегда отлученіе отъ церкви. Хомяковъ, могущественной, безпощадной своей логикой, приперъ къ стѣнѣ Янсениста такъ, что тотъ едва ли найдетъ что отвѣчать на посланіе изъ села Богучарова.

Хомяковъ былъ намѣренъ отправить свою статью за границу для печати.

Знакомый со всѣми постановленіями, западными и восточными, пропикнутый такъ глубоко духомъ церкви вселенской, Хомяковъ точно также коротко зналъ подробности въ исторіи нашей церкви, и на всякой Святой недѣлѣ не упускалъ ни одного случая спорить съ раскольниками на паперти Успенскаго собора, и они сознавались, чтобъ этому барину архіереемъ быть.

Философія — была однимъ изъ любимыхъ его занятій, и ничего не любилъ онъ столько, какъ бороться съ Гегелемъ, послѣднимъ ея представителемъ, и бить его послѣдователей, незваныхъ нашихъ философовъ, которые, заимствовавъ ученіе изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, или отвѣдавъ его на первыхъ страницахъ феноменологіи и логики, не могли, разумѣется, отражать его ударовъ, и, разбиваемые въ прахъ, должны были всегда оставлять битву съ сокрушеннымъ сердцемъ.

Въ статьяхъ Хомякова, помѣщенныхъ въ Москвитянинѣ, Московскомъ Сборникѣ и Русской Бесѣдѣ, разсыпано много глубокихъ мыслей, кои обратятъ на себя, со временемъ, ученое вниманіе. Смерть застигла Хомякова за статьею о философіи, которую писалъ онъ еще накапунѣ, въ формѣ письма къ Самарину, для второй книги Русской Бесѣды.

Что сказать мнѣ о *филологіи?* Слушая изслѣдованія Хомякова о происхожденіи словъ, путешествуя съ его корнями изъ глубины Санскрита въ Готскую Библію Ульфилы и къ славнымъ памятникамъ Святыхъ Кирилла и Меѳодія, преслѣдуя съ нимъ развитіе грамматическихъ формъ, перерожденіе звуковъ, по всѣмъ языкамъ Индо-Европейскимъ и семитическимъ, не знаешь, бывало, чему удивляться больше: проницательности ли его умственнаго взора, силѣ ль его Славянской догадки, или его вдохновенному, піитическому чутью. Онъ былъ рожденъ, казалось мнѣ тогда, для филологіи, не той пищичской, что у насъ въ модѣ, а филологіи высшей, которая соприкасается съ одной стороны философіи, а съ другой—исторіи.

Исторія — какъ удивится Русскій ученый міръ, когда узнаетъ, что Хомяковъ оставилъ изслѣдованія и размышленія о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ и происшествіяхъ историческихъ на нѣсколько большихъ томовъ. Слишкомъ тридцать лѣтъ работалъ онъ, по-видимому праздный и разсѣянный, надъ своею Семирамидою, — такъ назвалъ онъ это сочиненіе,—и только недавно самые друзья его узнали объ ея существованіи. Прошедшей зимою онъ показывалъ мнѣ въ деревнѣ кипы почтовой бумаги, исписанной, вплоть до краевъ, его мелкимъ почеркомъ, и обѣщался приступить вскорѣ къ изданію. Хотя изслѣдованіямъ своимъ Хомяковъ не давалъ никакой ученой, строгой формы, хоть онѣ не имѣютъ почти нигдѣ нужныхъ ссылокъ, ибо онъ началъ записывать свои мысли только для себя, не думая о печати, но онѣ должны произвести сильное умственное движеніе въ молодомъ поколѣніи, пуская въ оборотъ много новаго, свѣжаго, оригинальнаго.

А мысли его касательно *права*, догадки о происхожденіи разныхъ юридическихъ постановленій, о значеніи цѣловальниковъ, о преимуществахъ третейскаго суда, о свойствахъ большинства голосовъ? А согласованіе различныхъ миѳологій? А объясненія народныхъ пѣсень, пословицъ, поговорокъ, обрядовъ?.. Нѣтъ, лучше остановиться и прервать безконечное исчисленіе. Говоришь, и чувствуешь недовѣрчивость къ себѣ, какую-то боязливость: неужели все это такъ? Но многіе мои слушатели, я увѣренъ, въ эту же минуту припоминаютъ другія черты, и сѣтуютъ на меня, за чѣмъ я пропустилъ ихъ, подтверждая тѣмъ все, мною сказанное. Однимъ словомъ, не было науки, въ которой Хомяковъ не имѣлъ бы обширнѣйшихъ познаній, которой не видѣлъ бы предѣловъ, о которой не могъ бы вести продолжительнаго разговора съ спеціалистомъ, или задать ему важныхъ вопросовъ. Кажется — ему оставалось только объяснить нѣкоторыя недоразумѣнія, пополнить нѣсколько пробѣловъ...

И въ это же время Хомяковъ писалъ проэкты объ освобожденіи крестьянъ за много лѣтъ до состоявшихся рескрип-

товъ (1), предлагалъ планы земскихъ банковъ, или, по поводу газетныхъ извѣстій, на ту пору полученныхъ, распредѣлялъ границы Американскихъ республикъ, указывалъ дорогу судамъ, искавшимъ Франклина, анализировалъ, до малѣйшей подробности, сраженія Наполеоновы, читалъ наизустъ по цѣлымъ страницамъ изъ Шекспира, Гете или Бейрона, излагалъ ученіе Едды и Буддійскую космогонію.

И въ это же время Хомяковъ изобрѣтаетъ какую-то машину съ сугубымъ давленіемъ, которую посылаетъ на Англійскую всемірную выставку, и беретъ привилегію; сочиняетъ какое-то ружье, которое хватаетъ дальше всѣхъ, предлагаетъ новые способы винокуренія и сахароваренія, лечитъ гомеопатіей всѣ болѣзни на нѣсколько верстъ въ окружности, скачетъ по полямъ съ борзыми собаками зимней порошею за зайцами, и описываетъ всѣ достоинства и недостатки собакъ и лошадей, какъ самый опытный охотникъ, получаетъ первый призъ въ обществѣ стрѣлянья въ цѣль, а ввечеру является къ вамъ съ сочиненными имъ тогда же анекдотами о какомъ-то дикомъ прелатѣ, пойманномъ въ Костромскихъ лѣсахъ, о ревности какого-то Пермскаго исправника въ распространеніи христіанской вѣры, за которое былъ онъ представленъ къ Св. Владимиру, но не могъ получить его, потому что оказался мусульманиномъ. А извѣстія, слышанныя имъ отъ любезныхъ сосѣдей и сосѣдокъ.. Явился Хомяковъ, и все собраніе заливается единодушнымъ хохотомъ, у самыхъ угрюмыхъ посѣтителей разглаживаются всѣ морщины, всѣ заботы позабываются, и, съ первыхъ словъ, начинается споръ, споръ горячій, о предметахъ первостепенной важности, или, все равно, о предметахъ самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ. Споръ— это была стихія Хомякова: въ спорѣ, чѣмъ онъ былъ живѣе, опаснѣе, тѣмъ болѣе возбуждалась его творческая сила, и слѣдовать за нимъ, особенно когда онъ былъ, что называется, въ ударѣ, было высокое психологическое наслажденіе.

---

(1) Первая его статья объ этомъ предметѣ (крестьянскія условія) помѣщена въ Москвитянинѣ 1842 года.

Въ спорахъ, равно какъ и простыхъ бесѣдахъ, во всѣхъ сочиненіяхъ, есть у него много парадоксовъ, невѣрныхъ положеній, утвержденій, даже противоположныхъ истиннымъ,— но всѣ эти выходки имѣютъ характеръ такой оригинальности, неожиданности, свѣжести, предлагались онѣ съ такой любезностью, простодушіемъ или искусствомъ, что производили всегда дѣйствіе необыкновенное, возбуждая мысль и подавая поводъ къ новымъ плодотворнымъ изслѣдованіямъ. Рѣчь его оканчивалась обыкновенно смѣхомъ, дѣтскимъ, веселымъ, съ вопросительнымъ междометіемъ, особенно послѣ какой-нибудь ловкой выходки, удачнаго удара, счастливаго сравненія, кои ему самому правились, или послѣ доказательства въ ошибкѣ цитаты. Разсердитъ онъ васъ иногда до нельзя, вы готовы бранить его изъ всѣхъ силъ; онъ выслушаетъ васъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, и чрезъ минуту заставитъ васъ хохотать еще громче его, смѣясь съ вами *надъ собою*.

Нѣкоторыя изобрѣтенія его подавали особенно поводъ къ сценамъ самымъ забавнымъ. Напримѣръ, машину, отосланную имъ на Англійскую выставку въ модели, Хомяковъ *назвалъ безмолвнымъ двигателемъ, предполагая, вѣроятно*, что дѣйствіе ея будетъ совершаться въ полной, торжественной тишинѣ, а она, на пробѣ, въ Лондонѣ, устроенная по его модели, подняла такой шумъ и стукъ, издала такіе необыкновенные, пронзительные и раздирательные, дикіе звуки, что всѣ сосѣди, чуть ли не цѣлый кварталъ, грозились подать просьбу въ парламентъ, если она не прекратитъ своихъ опытовъ. Хомяковъ, услышавъ о такихъ неожиданныхъ проказахъ своего безмолвнаго двигателя, велѣлъ переименовать его Московкою. Кстати сказать здѣсь, что машину свою онъ отдавалъ на руки извѣстнаго нашего санскритолога, профессора Коссовича, который, въ свою очередь, нашелъ для нея въ Лондонѣ механика Браму.

Ружье, изобрѣтенное Хомяковымъ, должно было хватать на разстояніе баснословное, какимъ оно и осталось, за неимѣніемъ, кажется, нужныхъ пуль при назначенной отъ артиллерійскаго департамента пробѣ, для которой онъ ѣздилъ

нарочно въ Петербургѣ, а послѣ забылъ, обратясь къ новымъ, занявшимъ его, предметамъ.

Сюда же относятся и нѣкоторыя такъ сказать причуды Хомякова, коимъ придавалъ онъ однако жъ значеніе, разумѣется не безъ умнаго основанія, его мурмолка, его святославка, подававшія такое легкое средство для его противниковъ смѣяться надъ нимъ и возбуждать подозрѣніе къ его степенности.

А въ чемъ Хомяковъ, столько разнообразный, какъ мы видѣли, въ проявленіяхъ своей дѣятельности, полагалъ свое назначеніе? Незнавшіе его, разумѣется, не отгадаютъ никогда этого мнѣнія. Онъ считалъ себя рожденнымъ для живописи, и по цѣлымъ недѣлямъ, бывало, сидѣлъ онъ держа въ рукахъ палитру, малюя свой портретъ чрезъ зеркало, портретъ своей жены, сочиняя сцены, располагая пейзажи, составляя новыя краски, чертя архитектурные планы, кои приводилъ иногда и въ исполненіе.

Живопись и архитектура, коихъ я теперь коснулся, приводятъ мнѣ на память поэзію, которую я забылъ, исчисляя достоинства Хомякова; а между тѣмъ одной его поэзіи достаточно, чтобъ доставить его имени прочную славу. Лирическія его стихотворенія, исполненныя чувства и мысли, дышащія любовію, сохранятся навсегда въ пантеонѣ Русской поэзіи, вмѣстѣ съ подобными произведеніями покойныхъ его друзей и товарищей, Жуковскаго, Пушкина, Баратынскаго, Веневитинова, Языкова, вопреки опромечтивымъ приговорамъ, современной ему, близорукой критики, которая, никакъ не въ силахъ подняться до высоты безпристрастія, осуждала всегда имѣя въ виду не то, что написано, а кто написалъ. Хомяковъ былъ противенъ ей за нѣкоторыя свои убѣжденія, и она старалась всѣми силами поносить его, равно какъ и Языкова, что приняли, по завѣщанію, и настоящіе ея послѣдователи, не смѣющіе ступить шагу безъ учителя. Туманъ, впрочемъ, начинаетъ разсѣеваться, и новое поколѣніе, отдавая каждому свое, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, взглянетъ своими глазами иначе на Русскую словесность послѣдняго періода.

Таковы достоинства Хомякова; но человѣкъ нашего времени, слышу модное выраженіе, цѣнится по отношенію его къ настоящей жизни, по приложенію къ насущнымъ потребностямъ. Это любимая тема многихъ нашихъ мыслителей, для которыхъ всѣ науки и искусства, не совсѣмъ, впрочемъ, имъ знакомыя, значительно понизились. Время ли толковать теперь, вопіютъ они, о схоластическихъ тонкостяхъ богословія, что намъ за дѣло до абсолютныхъ положеній Гегеля? Смѣшно пускаться въ темныя изслѣдованія о корняхъ словъ, а исторія новая, что совершается передъ нашими глазами, гораздо интереснѣе всякой Семирамиды. Жизнь и ея настоящія требованія,—вотъ что выше всего.

Такія возраженія даютъ мнѣ поводъ говорить объ отношеніяхъ Хомякова къ жизни и настоящему времени, гдѣ онъ представится намъ еще величественнѣе.

Хомяковъ горячо любилъ отечество, питалъ искреннее, глубокое почтеніе къ Русскому народу, имѣлъ совершенную довѣренность къ успѣхамъ его развитія, видѣлъ ясно высокую цѣль, Россіи предопредѣленную, принималъ къ сердцу несчастную судьбу Славянскихъ братій, стонущихъ подъ игомъ Австріи, Турціи и Германіи, и призывалъ всѣми силами души своей ихъ возрожденіе. Западъ, по многимъ своимъ явленіямъ, представлялся ему, вмѣстѣ съ его друзьями, отжившимъ свой *лучшій* вѣкъ, завѣщающимъ *историческій* прогрессъ Востоку.

Чувствованія свои, убѣжденія, вѣрованія, Хомяковъ выражалъ въ вдохновенныхъ стихахъ, коими я постараюсь теперь изложить вамъ, мм. гг., его вѣрнѣйшую внутреннюю біографію.

Вотъ что онъ пѣлъ о Западѣ:

О грустно, грустно мнѣ! Ложится тьма густая
На дальнемъ Западѣ — странѣ святыхъ чудесъ,
Свѣтила прежнія блѣднѣютъ догорая,
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ.
А какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый!

Какъ долго цѣлый міръ, колѣна преклонивъ,
И чудно озаренъ его высокой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ смиренъ и молчаливъ.
Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи,
Кометы бурныхъ сѣчь бродили въ высотѣ,
И тихо, какъ луна, царица лѣтней ночи,
Сіяла тамъ любовь въ невинной красотѣ.
Тамъ въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенья,
И вѣры огнь живой потоки свѣта лилъ!...
О! никогда земля, отъ первыхъ дней творенья,
Не зрѣла надъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ.
Но горе! вѣкъ прошелъ, и мертвеннымъ покровомъ
Задернутъ Западъ весь! Тамъ будетъ мракъ глубокъ.
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися дремлющій Востокъ!

Не смотря на эти мысли, на эти чувства, общія Хомякову съ его друзьями, позволю себѣ сдѣлать отступленіе, враждебная сторона твердила о ненависти нашей къ Западу, и находила легковѣрную чернь, повторявшую, что мы терпѣть не можемъ Запада, чѣмъ и приводилось въ заблужденіе общее, неустановившееся мнѣніе. Настала, однако жъ, пора, что предводители этой партіи, извѣдавъ на опытѣ, на своихъ душахъ, западныя болѣзни, начали соглашаться въ вѣрности нашего замѣчанія, и мы виноваты, слѣдовательно, только въ томъ, что увидѣли и осмѣлились сказать это прежде ихъ. Время покажетъ правду еще яснѣе.

Изъ западныхъ государствъ Хомяковъ любилъ преимущественно Англію. Онъ зналъ подробно ея исторію, развитіе всѣхъ ея политическихъ учрежденій, былъ знакомъ коротко съ ея литературою, и владѣлъ Англійскимъ языкомъ, какъ Французскимъ и Нѣмецкимъ.

Мнѣніе свое объ Англіи онъ выразилъ въ слѣдующихъ великолѣпныхъ стихахъ:

Островъ пышный, островъ чудный,
Ты краса подлунной всей,

Лучшій камень изумрудный
Въ голубомъ вѣнцѣ морей!
Грозный стражъ твоей свободы,
Сокрушитель чуждыхъ силъ,
Вкругъ тебя широко воды
Океанъ сѣдой разлилъ.
Онъ бездоненъ и простренъ,
И враждуетъ онъ съ землей;
Но смиренъ, но покоренъ,
Онъ любуется тобой.
Для тебя онъ укрощаетъ
Свой неистовый набѣгъ;
И, ласкаясь, обнимаетъ
Твой бѣлѣющійся брегъ.

Дочь любимая природы,
Благодатная земля!
Какъ кипятъ твои народы,
Какъ цвѣтутъ твои поля!
Какъ державно надъ волною
Ходитъ твой широкій флагъ!
Какъ кроваво надъ землею
Мечъ горитъ въ твоихъ рукахъ!
Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей главой!
Какъ высоки пѣсень звуки,
Міру брошенныхъ тобой!
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна.
И далекія державы,
Робко взоръ стремя къ тебѣ,
Ждутъ, какіе вновь уставы
Ты предпишешь ихъ судьбѣ.

Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,

Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда;
Но за то, что церковь Божью,
Святотатственной рукой,
Приковала ты къ подножью
Власти суетной, земной....
Для тебя, морей царица,
День придетъ,—и близокъ онъ, —
Блескъ твой, злато, багряница,
Все пройдетъ, минетъ какъ сонъ:
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ,
Перестанетъ мечъ сверкать,
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать.
И, забывъ твой флагъ державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграетъ своенравно
Моря шумная волна.

И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ.

Призывая Востокъ къ славному дѣйствію, Хомяковъ былъ увѣренъ, особенно въ началѣ Турецкой войны, также вмѣстѣ съ своими друзьями, что инициатива должна принадлежать Россіи. Но вмѣстѣ съ симъ онъ сознавалъ, что она не готова идти на святой подвигъ, что ей прежде всего нужно раскаяніе, исправленіе, очищеніе. Вотъ что говорилъ онъ Россіи, начиная изрѣченіемъ писанія: « Не уклони сердца моего въ словеса лукавствія, непщевати вины о грѣсѣхъ»:

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай, страна моя родная,
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ,
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная,
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело,
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго;
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой чорной,
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

О недостойная избранья!
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой.

Душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли.

И встань потомъ вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчь,
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечемъ—то Божій мечъ.

Историческая вѣрность требуетъ замѣтить, что это стихотвореніе подверглось осужденію слишкомъ осторожнаго мѣстнаго начальства, и вѣщій поэтъ, котораго слова получили

впослѣдствіи такое блистательное подтвержденіе, принужденъ былъ спрятать ихъ въ своемъ портфелѣ; но онъ не замедлилъ написать другое:

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой,
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На подвигъ грознаго служенья,
Въ кровавый бой предстанешь ты.

О Русь моя! какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душею свѣтлой, многодумной,
Идетъ на Божескій призывъ:
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, болью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко,
Въ сіяньѣ новомъ и святомъ.

Иди, тебя зовутъ народы,
И совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ.
Иди, свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ.
Грозна, прекрасна, Ангелъ Бога,
Съ огнесверкающимъ челомъ.

Надѣюсь, что дешевые наши обличители, читая эти стихотворенія, писанныя въ 1853 году, согласятся, что имъ ничего не приходилось сказать сильнѣе и смѣлѣе. Эти стихотворенія останутся на вѣки вѣковъ свидѣтельствами того гражданскаго мужества, которое день отъ дня отходитъ отъ насъ въ область миѳологіи.

О братьяхъ, упомянутыхъ въ послѣднемъ стихотвореніи,

Хомяковъ началъ говорить гораздо раньше, лѣтъ за двадцать до возникновенія восточнаго вопроса.

Беззвѣздная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя подъ окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ.

И мнилось, лечу я.... орелъ сизокрылый
Давно и давно бы въ полетѣ отсталъ,
А я, поднимаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву:
Въ убранствѣ и блескѣ весь Западный край,
Мораву и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.

И Прагу я видѣлъ; и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петчинѣ храмъ,
Молитва Славянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ Святаго Кирилла
Епископъ на Петчинъ восходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на Западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

Всѣ Славяне для Хомякова были равны между собой,— сильные и слабые, многолюдные и малочисленные, богатые и бѣдные: всѣхъ считалъ онъ имѣющими одинакое право на развитіе, преуспѣяніе, и всѣхъ призывалъ къ новой жизни.

Напомню еще стихотвореніе, примѣчательное духомъ высокаго смиренія.

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава;
Не гордись предъ Вышеградомъ
Златоверхая Москва!

Вспомнимъ: мы родные братья,
Дѣти матери одной.
Братьямъ братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ!
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ!

Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь.

Пронесется мракъ ненастный,
И, ожиданный давно,
Возсіяетъ день прекрасный:
Братья станутъ за-одно.

Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной.

Пѣсни Хомякова донеслися до Славянъ и сдѣлались вскорѣ національными у Сербовъ, Чеховъ, Кроатовъ, Болгаръ. Неизвѣстныя нѣкоторымъ фельетонистомъ нашимъ, онѣ раздаются теперь отъ Адріатическаго моря до Чернаго, отъ Дуная до

Днѣпра, отъ Альпійскихъ горъ до Карпатъ, питая надежды, *согрѣвая сердце, возбуждая духъ.*

Нечего говорить, какъ послѣднее окончаніе восточной войны, обманувшее всѣ наши надежды, взорвавшее на воздухъ, вмѣстѣ съ Севастополемъ, всѣ наши завѣтныя мечты, *поразило Хомякова.*

Еще сильнѣе огорчало его, вмѣстѣ съ его друзьями, послѣдовавшее стараніе предать забвенію постигшее насъ несчастіе, замазать, заштукатурить наши пробои, между тѣмъ какъ лучше бы растравлять раны, питать желаніе отомстить за полученныя оскорбленія, отмстить освобожденіемъ угнетенныхъ племенъ, вопреки всѣмъ западнымъ коалиціямъ, и *приготовить себѣ союзъ надежныхъ друзей, — тѣмъ болѣе, что* мнимому равнодушію никто повѣрить не можетъ.

Современное общество, должно сознаться, предлагало ему мало утѣшеній: не имѣя твердаго мнѣнія, шатаясь между крайностями, переходя ежедневно отъ одного мнѣнія къ другому, не понимая насущныхъ нуждъ, не цѣня истинныхъ достоинствъ, равнодушное къ образованію, общество, вмѣстѣ съ нѣкоторыми, противными явленіями литературы, увеличивало еще болѣе душевную тоску.

Поэтъ, чувствуя недостаточность своихъ усилій, молился о низпосланіи людямъ пророка, который бы возбудилъ отъ сна *холодное, безпечное племя, молился о дарованіи людямъ* ушей слушати и очей видѣти.

Какъ часто *во мнѣ пробуждалась*
Душа отъ лѣниваго сна,
Просилася людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!

Какъ часто, о Боже, *рвалася*
Вѣщать Твою волю землѣ,
Да свѣтъ осіяетъ разумный
Безумцевъ, бродящихъ во тьмѣ.

Какъ часто, безсильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжкой тоской,
Молилъ Тебя дать имъ пророка
Съ горячей и теплой душой.

Молилъ Тебя, въ часъ полуночи,
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды Твоей.

Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой,
Дать міру и уши и сердце
Для слушанья рѣчи святой.

Новѣйшія происшествія на Западѣ возбудили опять духъ Хомякова, и онъ выразился пророчески въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Помнишь, по стезѣ нагорной
Шли мы лѣтомъ; солнце жгло,
А полнеба тучей черной
Съ полуденъ заволокло.
По стезѣ песокъ горючій
Ноги путниковъ сжигалъ,
А изъ тучи вихрь летучій
Капли крупныя срывалъ.

Быть громамъ, и быть ударамъ!
Быть сверканью въ облакахъ,
И ручьямъ по крутоярамъ,
И потопамъ на лугахъ!
Быть грозѣ! но буря злая
Скоро силы истощитъ;
И, сіяя, золотая
Зорька въ небѣ погоритъ.

И въ объятья кроткой ночи
Передастъ покой земли,

Чтобы зорко звѣздны очи
Сонъ усталой стерегли;
Чтобъ съ Востока, утромъ рано,
Загораясь въ небесахъ,
Свѣтъ *румяный зрѣлъ поляны*
Всѣ въ росинкахъ и цвѣтахъ.

И теперь съ полудня темной
Тучей кроетъ небеса;
И *за тишью вѣроломной*
Притаилася гроза.
Гулъ растетъ, какъ въ спящемъ морѣ
Передъ бурей роковой;
Вскорѣ, вскорѣ, въ бранномъ спорѣ,
Закипитъ весь *міръ* земной:

Чтобъ страданьями — свободы
Покупалась благодать;
Чтобъ готовились народы
Зову истины внимать;
Чтобы гласъ ея пророка
Могъ проникнуть въ духъ людей,
Какъ глубоко лучъ съ Востока
Грѣетъ влажный тукъ полей.

Это было послѣднее стихотвореніе Хомякова. Одна часть его предсказанія исполнилась. Дай Богъ, чтобъ исполнилась вторая.

Съ такими талантами, съ такими познаньями, съ такими свойствами, достоинствами, скажите, Хомяковъ былъ носимъ на рукахъ въ Россіи, Хомяковъ окруженъ былъ почтеніемъ, признательностію, *любовію*! На *всякомъ публичномъ собраніи*, на вопросъ путешественника: кто здѣсь примѣчательные люди, изъ первыхъ указывался Хомяковъ? Онъ былъ *вездѣ* честимъ, отличаемъ, уважаемъ?

О, нѣтъ! Здѣсь онъ не былъ принятъ потому, что онъ былъ только штаб-ротмистръ; *тамъ потому, что хозяева без-*

грамотны, и не слыхали имени Хомякова; тамъ потому, что бесѣда его считалась заразительною. Хомяковъ подвергался часто всякаго рода насмѣшкамъ, клеветамъ, ругательствамъ.

Онъ Славянофилъ, говорили одни, онъ хочетъ возвратиться къ старинѣ, и, слѣдовательно, защищаетъ кнутъ, вступается за правежъ.

Онъ ханжа, восклицали другіе, не ѣстъ рыбы великимъ постомъ, и соблюдаетъ середы и пятницы.

Третьи провозглашали, разумѣется, что онъ опасный человѣкъ, безпокойный, революціонеръ, красный, вредный.

Четвертые считали его шарлатаномъ, который морочитъ общество въ угоду своему самолюбію, не имѣя никакихъ постоянныхъ убѣжденій.

Удивляться такому явленію нечего: это обыкновенная участь лучшихъ людей.

Къ общимъ человѣческимъ причинамъ надо присоединить наше частное Русское свойство— болѣть чужимъ здоровьемъ, искать вездѣ пятенъ, темныхъ сторонъ, причинъ и поводовъ къ осужденію, какъ-будто хвалою, одобреніемъ, признательностію, мы унижаемъ себя и теряемъ собственную цѣну.

Съ кроткой, поэтической своей душою, Хомяковъ сносилъ терпѣливо причиняемыя оскорбленія, пропускалъ мимо ушей безумныя клеветы, не жаловался на несправедливость, но все-таки, по человѣческой слабости, дикіе вопли причиняли ему порою глухую боль, между тѣмъ какъ общее сочувствіе, участіе, одобреніе, могли бъ дѣйствовать животворно на душу, особенно въ нашихъ мудреныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ.

Поэтъ выразилъ это состояніе въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Подвигъ есть и въ сраженьѣ,
Подвигъ *есть и въ борьбѣ*,
Высшій подвигъ въ терпѣньѣ,
Любви и мольбѣ.

Если сердце заныло
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной;
Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились,
Съ вѣрой доброй и смѣлой
Ты за подвигъ берись.
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилья,
Выше мраковъ земныхъ,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской.

Впрочемъ, должно сказать въ утѣшеніе: если Хомяковъ имѣлъ неистовыхъ противниковъ, то онъ имѣлъ много и искреннихъ, горячихъ друзей, имѣлъ много людей, преданныхъ ему безусловно, неограниченно, жившихъ съ нимъ одною жизнію, дѣлившихъ его задушевныя убѣжденія. Въ ихъ обществѣ, столько же какъ и въ собственномъ сознаніи, онъ находилъ себѣ утѣшеніе, успокоеніе, сладкое отдохновеніе.

Внезапная кончина Хомякова представляетъ что-то удивительное. Я разскажу ее здѣсь, ибо ею должно дополниться нравственное его изображеніе. Выѣхавъ, съ старшимъ сыномъ, изъ обыкновеннаго своего пребыванія, села Богучарова подъ Тулою, въ Рязанскую деревню, *для хозяйственныхъ распоряженій*, онъ пробылъ тамъ около мѣсяца. Кончивъ всѣ дѣла, за три дня до назначеннаго отъѣзда, отправилъ онъ сына домой, а самъ остался, чтобъ дописать на просторѣ статью о философіи, о коей упомянуто выше. Накапунѣ онъ обѣдалъ у сосѣда, здоровый, спокойный и веселый, и писалъ къ дѣтямъ, что пріѣдетъ къ нимъ черезъ три дня. Въ два часа ночи, въ день кончины, онъ отпустилъ прикащика,

съ которымъ говорилъ о заводскихъ дѣлахъ, а въ пять пришелъ къ своему служителю, разбудилъ его, и велѣлъ ему растирать себѣ ноги и принесть дегтю. Свѣча у него горѣла, значитъ онъ не спалъ. На столѣ лежала тетрадь съ страницею, имъ исписанною, и оканчивавшеюся предлогомъ *въ*. Можетъ быть, въ этотъ самый моментъ онъ почувствовалъ боль, ибо иначе мудрено предположить, что онъ безъ причины, написавъ предлогъ, не написалъ даже принадлежащаго къ нему существительнаго имени. Холеру онъ считалъ всегда болѣзнію маловажною, и брался лечить ее какъ головную боль. Употребленныя средства, видно, не помогали, и онъ началъ принимать гомеопатическія противохолерныя лекарства. Въ семь часовъ, чувствуя себя все хуже и хуже, онъ послалъ за священникомъ, который пришелъ только къ осьми часамъ. Хомяковъ исповѣдывался, пріобщился Св. Таинъ и соборовался масломъ въ полной памяти, держа въ рукахъ свѣчу, шепотомъ повторяя молитвы, творя крестныя знаменія. По окончаніи соборованья, часа въ три, онъ впалъ въ обморокъ, и священникъ, подумавъ, что онъ кончается, началъ читать отходную. Между тѣмъ онъ очнулся, и сказалъ: теперь дѣлайте что хотите. Часовъ до шести не было замѣтно никакой перемѣны. — Не послать ли за Дмитріемъ Алексѣевичемъ, спросилъ его служитель.—«Не надо,я радъ, что его здѣсь нѣтъ.»— Не дать ли знать въ Богучарово?— «Узнаютъ.» Страданія утихли, около шести часовъ, и все тѣло согрѣлось, кромѣ рукъ. Тогда фершелъ сказалъ ему: «У васъ пульсъ сталъ лучше». — Какъ тебѣ не стыдно, отвѣчалъ спокойно умирающій: столько времени ты ходишь за больными и не умѣешь различить пульса. У меня пульсъ прерывается. — За двадцать минутъ до кончины Алексѣя Степановича, сосѣдъ его, тутъ находившійся съ самаго утра, Л. М. Муромцевъ, возымѣвшій надежду, сказалъ ему: —Право, хорошо; посмотрите, какъ вы согрѣлись и глаза посвѣтлѣли. — «*А завтра какъ будутъ свѣтлы!...*» Это были его послѣднія слова, — прошло нѣсколько минутъ и онъ скончался—въ пятницу, въ $7\frac{3}{4}$ вечера: спѣлый плодъ упалъ съ дерева.

Есть стихотвореніе «Сонъ», написанное Хомяковымъ лѣтъ за 20. Онъ предсказалъ въ немъ судьбу свою.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
И что пѣвецъ пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
И подъ перстомъ моимъ дышали струны,
И звуки ихъ гремѣли, какъ перуны,
Стрѣлой вонзалися во глубину сердецъ.

И какъ въ степи глухой живыя воды,
Такъ пѣснь моя ласкала жадный слухъ;
Въ ней слышанъ былъ и тайный гласъ природы,
И смертнаго горѣ парящій духъ.

Но часъ насталъ. Меня во гробъ сокрыли;
Мои уста могильный хладъ сковалъ;
Но изъ могильной тьмы, изъ хладной пыли,
Гремѣла пѣснь и сладкій гласъ звучалъ.

Вѣка прошли, и племена другія
Покрыли край, гдѣ прахъ пѣвца лежалъ;
Но не замолкли струны золотыя
И сладкій гласъ по прежнему звучалъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
И что пѣвецъ пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ.

Придетъ пора, истина возметъ свое, темная повязка спадетъ съ глазъ, предубѣжденія развѣются, и Хомяковъ, въ возрожденной Россіи, получитъ гражданскій вѣнокъ, принадлежащій ему по праву за его несомнѣнныя заслуги. Имя его будетъ произноситься съ почтеніемъ и признательностію новыми поколѣніями,—а мы, осиротѣлые друзья его, мы не утѣшимся

никогда въ постигшей насъ потерѣ, пустота, имъ оставленная, никогда для насъ уже не наполнится. Долго мы не привыкнемъ даже къ мысли, что его нѣтъ между нами. Долго, въ каждомъ своемъ собраніи, по вторникамъ, или четвергамъ, воскресеньямъ, мы будемъ безпрестанно оглядываться на дверь и думать: это вѣрно идетъ Хомяковъ запоздавшій, какъ обыкновенно. Помилуй, гдѣ же ты былъ, мы ждемъ тебя уже давно.... Нѣтъ, это не онъ...

Да, онъ не явится къ намъ, мы можемъ только воображать его милыя черты, мы можемъ только припоминать съ благоговѣніемъ каждое его слово, плакать объ немъ, плакать, пока не соединимся съ нимъ въ общей для насъ могилѣ...

Плакать, — нѣтъ, мы должны бодро идти по слѣдамъ его, мы должны изо всѣхъ силъ своихъ трудиться, работать, не унывая, помня его завѣтныя убѣжденія — отечество, Славяне, просвѣщеніе, законная свобода, — повторяя любимое его стихотвореніе «Труженикъ», которое для всѣхъ насъ пусть сдѣлается его священнымъ завѣщаніемъ:

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы
Съ утра, до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.
Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ.
Пора на отдыхъ. О дубравы!
О тишина полей и волъ,
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!
Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю.

Стереть бы потъ дневнаго зноя!
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ...

« Безумецъ, нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!
Взгляни на ниву; пашни много,
А дня не много впереди.
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога!
Господь велитъ: иди, иди!
Ты куплень дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты.
Сгибайся жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы! »

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ;
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!
Иду свершать въ трудѣ и потѣ
Удѣлъ, назначенный Тобой;
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабѣю предъ борьбой.
Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

Твоя нива воздѣлана, ты прорѣзалъ слѣдъ...

Прости, нашъ милый, нашъ дорогой, незабвенный! Посылаемъ тебѣ единодушный дружескій привѣтъ, глубокую благодарность и горячую молитву.

М. Погодинъ.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

ОБЪ А. С. ХОМЯКОВѢ (*).

(Читано въ засѣданіи Общества Л. Р. С., Ноября 6, 1860 года).

Въ настоящія горестныя минуты, посвященныя памяти Алексѣя Степановича Хомякова, думаю, мм. гг., что вы не сочтете для себя излишнимъ выслушать краткій разсказъ объ его жизни. Мнѣ кажется также, что какъ ни свѣжа наша скорбь, по ежели мы дорожимъ исторіею нашей словесности и умственной жизни, то слѣдуетъ намъ теперь же позаботиться о біографіи Хомякова. Я постараюсь передать вамъ то, что я, по большей части, слышалъ отъ него самого. Въ послѣдніе одиннадцать лѣтъ я имѣлъ счастье часто видаться съ нимъ; одинъ годъ жилъ въ его домѣ, и, по моей страсти къ преданіямъ нашей старины, нерѣдко разспрашивалъ его о прошломъ.

Про Хомякова можно сказать, что онъ былъ вполнѣ крѣпокъ землѣ Русской. По отцу и по матери, урожденной Кирѣевской, онъ принадлежалъ къ старинному Русскому дворянству. Въ ихъ домѣ сохранялись родовые разсказы, старинныя вещи и бумаги изъ временъ Елизаветы, Петра и царя Алексѣя Михайловича, который былъ особенно милостивъ къ предку Алексѣя Степановича, своему старшему подсокольничьему, Петру Семеновичу Хомякову, и писалъ къ нему письма, уцѣлѣвшія въ архивѣ Хомяковыхъ. Покойникъ зналъ на перечетъ своихъ дѣдовъ, лѣтъ за 200 въ глубь старины; древняя Русь была для него не однимъ предметомъ отвлеченнаго изученія; напротивъ, всѣми лучшими сторонами сво-

(*) Воспоминанія эти набросаны чрезъ нѣсколько дней послѣ извѣстія о кончинѣ Хомякова; мы увѣрены, что они будутъ пополнены тѣми людьми, которые ближе знали Алексѣя Степановича.

ими, трезвою, искреннею вѣрою, неподдѣльнымъ чувствомъ народнаго братства, и здравымъ смысломъ, она вся жила въ его домѣ. Съ другой стороны, мы не знаемъ, чтобы Хомяковы когда-нибудь роднились съ иноземцами; словомъ, покойникъ былъ коренной Русскій человѣкъ.

Алексѣй Степановичъ родился въ Москвѣ, на Ордынкѣ, въ приходѣ Егорія, что на Вспольѣ, въ 1804 г., 1-го Мая, на день пророка Іереміи. Его родители, люди зажиточные, обыкновенно, проводили лѣто то въ Смоленской деревнѣ своей, селѣ Липецахъ, Сычевскаго уѣзда, то въ старинномъ помѣстьѣ, въ 12-ти верстахъ передъ Тулою, Богучаровѣ. Но большую часть года они жили въ Москвѣ, которую покойникъ неизмѣнно любилъ и уважалъ: вамъ еще памятна, мм. гг., его рѣчь, въ одномъ изъ нашихъ публичныхъ засѣданій, о значеніи Москвы въ жизни Русскаго народа.

Первые годы жизни Хомякова, время его отрочества, принадлежатъ къ самой замѣчательной эпохѣ въ Русской исторіи: время борьбы съ Наполеономъ было вмѣстѣ и временемъ перваго освобожденія нашего отъ иноземныхъ вліяній, началомъ нашей новой, внутренней самостоятельности. Чудесное торжество Русскаго народа должно было глубоко запасть въ душу воспріимчиваго отрока, и мы думаемъ, что оно-то дало направленіе всѣмъ его позднѣйшимъ мыслямъ о народной самостоятельности.

Отецъ († 1836) Хомякова и особенно мать его, Марья Алексѣевна († 1857), были люди умные и просвѣщенные: онъ получилъ отличное домашнее образованіе, узналъ и совершенно усвоилъ себѣ три новые языка, а изъ древнихъ особенно языкъ Латинскій, на которомъ читалъ свободно. Этому языку училъ его, жившій въ ихъ домѣ, аббатъ Boivin. Разсказываютъ забавный случай, какъ Хомяковъ въ какой-то книгѣ отыскалъ папскую буллу, замѣтилъ въ ней опечатку, и, показывая аббату, спрашивалъ его, за чѣмъ же онъ считаетъ папу непогрѣшительнымъ, тогда какъ святой отецъ дѣлаетъ ошибки правописанія. Остроумному мальчику досталось за эту выходку; но можно думать, что жизнь подъ одною кровлею съ католическимъ аббатомъ впервыя обратила пытливый умъ Хомякова на различіе исповѣданій, и что

еще мальчикомъ онъ уже началъ задавать себѣ тѣ глубокіе, богословскіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ во всю жизнь было однимъ изъ главныхъ и задушевныхъ его занятій. — Товарищемъ дѣтства и молодости Хомякова былъ старшій братъ его, Ѳедоръ, умершій въ 1828 году, на Кавказѣ, гдѣ онъ служилъ при Паскевичѣ чиновникомъ по дипломатической части. Объ немъ сохранилось воспоминаніе, какъ о чрезвычайно даровитомъ молодомъ человѣкѣ.

Въ началѣ 1815 года, отецъ Хомякова, со всѣмъ семействомъ, переѣхалъ изъ Смоленской деревни своей въ Петербургъ. Дорогою оба мальчика, наслушавшіеся военныхъ разсказовъ, мечтали, что они ѣдутъ драться съ Наполеономъ, и очень жалѣли, узнавъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, о Ватерлооскомъ сраженіи. «Съ кѣмъ же мы теперь будемъ драться?» спрашивалъ старшій братъ младшаго. — Стану бунтовать Славянъ,—отвѣчалъ 11-ти лѣтній Хомяковъ. Впослѣдствіи, онъ самъ не могъ объяснить себѣ, откуда пришла ему въ голову такая, въ то время странная, идея. Онъ говаривалъ намъ, что первыя мысли о Славянахъ и объ ихъ освобожденіи были внушены ему лубочными портретами Сербскаго вождя, Чернаго Георгія, которые попадались почти на каждой станціи по дорогѣ въ Петербургъ. Простой пастухъ, силою мужества и непреклонностью воли освободившій свою родину отъ Турокъ, поразилъ молодое воображеніе. Тутъ начало смѣлыхъ думъ Хомякова о Славянскомъ братствѣ, его горячаго сочувствія къ нашимъ единоплеменникамъ; тутъ зародышъ тѣхъ высокихъ пѣсень, которыя сдѣлали имя его столь извѣстнымъ между Славянами.

Отъ этой первой Петербургской поѣздки у Хомякова сохранилось еще другое многознаменательное воспоминаніе, которое онъ также самъ передавалъ мнѣ. Когда его съ братомъ привезли въ Петербургъ, имъ обоимъ долго казалось, будто они очутились въ какомъ-то языческомъ городѣ, что ихъ непремѣнно заставятъ перемѣнить вѣру; и оба мальчика твердо положили себѣ лучше вытерпѣть всякія мученія, а не принимать чужаго закона.

Въ Петербургѣ Хомяковы прожили, кажется, года два. Тамъ преподавалъ ему Русскую словесность Андрей Андрее-

вичъ Жандръ, нынѣ забытый драматическій авторъ, принадлежавшій къ школѣ Шишкова и другъ Грибоѣдова. Его уроки, по всему вѣроятію, не остались безъ вліянія; можетъ быть, черезъ него молодой Хомяковъ познакомился съ независимымъ и смѣлымъ образомъ мыслей нашего безсмертнаго комика, который, какъ теперь извѣстно по напечатанному дневнику его, не признавалъ, между прочимъ, безусловной пользы въ реформахъ Петра Великаго и, уже въ то время, высказывалъ многія понятія, слывшія, не такъ давно, Славянофильскими.

Еще года два или три до поступленія на службу Хомяковъ опять прожилъ въ Москвѣ, въ родительскомъ домѣ; тутъ онъ оканчивалъ свое образованіе, пользуясь богатою библіотекою отца своего, и уроками нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета, въ томъ числѣ П. С. Щепкина, который преподавалъ ему математеку. Въ это время онъ положилъ основаніе своимъ громаднымъ и многосторонимъ свѣдѣніямъ. Тутъ выработывался этотъ умъ, блестящій и крѣпкій, какъ алмазъ. Извѣстно, какъ впослѣдствіи обширная начитанность Хомякова изумляла собесѣдниковъ: не было предмета въ области вѣдѣнія, начиная отъ математики и наукъ техническихъ до высшей философіи, до котораго бы не коснулась его любознательность; но любимыми его занятіями были литература и исторія. Къ 1818 или 19 году относится первый напечатанный трудъ его, переводъ Тацитовой Германіи, помѣщенный въ трудахъ нашего Общества. Кто знакомъ съ этимъ произведеніемъ, тотъ, конечно, согласится, что выборъ Хомякова весьма знаменателенъ.

Между тѣмъ, политическія событія, и именно великодушная борьба нашихъ единовѣрцевъ, Грековъ, — борьба, во имя древнихъ преданій и свободы, противъ угнетающей повизны,—начинали занимать пылкаго юношу. Зимою 1821 г., 17-ти лѣтній Хомяковъ вздумалъ бѣжать изъ родительскаго дома, съ тѣмъ, чтобы драться за Грековъ и бунтовать Славянъ. Тутъ было также внѣшнее вліяніе. Въ ихъ домѣ жилъ прежде гуверпёромъ нѣкто Арбе, домашній человѣкъ у князей Маврокордато. Онъ былъ агентомъ Филеллиновъ, часто ѣзжалъ къ Хомяковымъ, передавалъ извѣстія о ходѣ

Греческаго возстанія, и замѣтивъ, что бывшій его воспитанникъ жадно слушаетъ его разсказы, вошелъ съ нимъ въ ближайшія сношенія, и не задумался достать ему фальшивый паспортъ. Взявъ съ собою какія были деньги (около 50-ти р. ас.), Хомяковъ купилъ засапожный ножъ, и поздно вечеромъ, въ ваточной шинелишкѣ, ушелъ изъ дому (они жили тогда на Кузнецкомъ Мосту, гдѣ теперь кондитерская Люке). Но только что онъ успѣлъ перебраться за Серпуховскую заставу, его достигла погоня. Дѣло въ томъ, что старый дядька, Артемій, давно уже имѣлъ подозрѣнія, и въ этотъ вечеръ послалъ нарочно сказать барину, сидѣвшему въ Англійскомъ клубѣ, что уже по́лночь, а дитя не возвращается. Степанъ Алексѣевичь Хомяковъ немедленно сдѣлалъ допросъ старшему сыну, Ѳедору, и скоро вынудилъ у него признаніе о побѣгѣ брата. Люди, разосланные ко всѣмъ заставамъ, привели молодца назадъ. Его не наказывали; но Ѳедору Степановичу досталось за то, что онъ не остановилъ брата.

Вскорѣ послѣ этого, Хомякова, по тогдашнему обычаю, отправили въ Петербургъ и опредѣлили въ полкъ, кажется, въ конную гвардію. Движеніе, овладѣвшее въ то время Петербургскою военною молодежью, прошло мимо Хомякова. Сочувствуя стремленіямъ лучшихъ людей тогдашняго времени, на сколько выражалось въ нихъ горячее желаніе блага отечеству, Хомяковъ никогда не соглашался съ многими изъ нихъ въ средствахъ исполненія. У родственниковъ своихъ М—выхъ, часто видаясь съ Р. и его друзьями, въ неоднократныхъ своихъ горячихъ спорахъ съ ними, онъ постоянно держался той мысли, что изъ всѣхъ революцій самая несправедливая есть революція военная. Такъ однажды, осенью 1824года, они до поздней ночи проспорили съ Р. объ этомъ предметѣ. Смыслъ словъ молодаго офицера былъ таковъ: «Что такое войско? Это собраніе людей, которыхъ народъ вооружилъ на свой счетъ, и которымъ онъ поручилъ защищать себя: оно служитъ народу. Гдѣ же будетъ правда, если эти люди, въ противность своему назначенію, начнутъ распоряжаться народомъ по своему произволу?» Другаго своего знакомца, кн. А. И. О., Хомяковъ бѣсилъ, увѣряя его,

что онъ вовсе не либералъ, а предпочитаетъ только единодержавію тиранство вооруженнаго меньшинства.

1825 и начало 1826 года Хомяковъ провелъ въ путешествіяхъ за границей. Онъ жилъ долго и уединенно въ Парижѣ, много занимался живописью, и писалъ трагедію свою *Ермакъ*, напечатанную 1833 году. Это былъ первый опытъ его поэтической дѣятельности. Вотъ отзывъ Пушкина о *Ермакѣ*: «*Ермакъ* идеализированный — лирическое произведеніе въ формѣ драмы. Ермакъ, лирическое произведеніе пылкаго, юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ правамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи.» Къ этому же времени относятся первыя мелкія стихотворенія его. Живя за границею, въ это и второе путешествіе свое, Хомяковъ, какъ и всегда, строго держался Русскихъ обычаевъ и постоянно соблюдалъ посты. Такъ какъ онъ былъ совершенно чуждъ ханжества и даже преслѣдовалъ его насмѣшками, то эта вѣрность старинѣ могла только поучать и вовсе никому не колола глаза. Для Хомякова обычай былъ живъ и святъ, какъ знакъ и залогъ народнаго общенія.—На обратномъ пути въ Россію, въ 1826 году, онъ объѣхалъ земли западныхъ Славянъ, и тутъ, въ первый разъ, ближе узналъ ихъ. Черезъ два года, война съ Турками, предпринятая императоромъ Николаемъ въ защиту нашихъ единовѣрцевъ, вызвала Хомякова на поприще общественной дѣятельности. Онъ снова поступилъ въ военную службу, въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, участвовалъ въ сраженіяхъ, отличился холодною, блестящею храбростью, и въ это время на мѣстѣ познакомился съ Болгарскимъ населеніемъ Турціи. Въ 1829 году онъ возвратился въ Москву прямо изъ Адріанополя, по заключеніи мира вышелъ въ отставку, и съ той поры до самаго 1845 года жилъ, кажется, постоянно въ Москвѣ и деревняхъ своихъ, за исключеніемъ поѣздки въ Кіевъ и на Кавказскія минеральныя воды.

Къ этому періоду жизни Хомякова принадлежитъ его трагедія: *Дмитрій Самозванецъ*, и то небольшое число лирическихъ стихотвореній, которыя поставили его въ рядъ

лучшихъ нашихъ поэтовъ и сдѣлали имя его извѣстнымъ въ Россіи; мы разумѣемъ піэсы: *Къ иностранкѣ*, *Ключъ*, *Гордись, тебѣ льстецы сказали*, *Кіевъ*, *Островъ*, (написанный зимою 1836 года) и два стихотворенія на перенесеніе тѣла Наполеона съ острова Св. Елены. Многое писалось про себя, безъ огласки. Такъ мы навѣрно знаемъ, что знаменитая піэса «*Орлы*», напечатанная только въ 1859-мъ году, написана не позже 1832 года; нельзя не подивиться тому, какъ Хомяковъ, уже въ то время, былъ полонъ мысли о Славянскомъ братствѣ, и какъ, уже тогда, онъ умѣлъ выражать свое сочувствіе Славянамъ:

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полунощный орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Далеко въ небо ты ушелъ!
Лети,—но въ синемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
Про младшихъ братьевъ не забудь.
На степь полуденнаго края,
На дальній западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтона вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ!

И ждутъ окованные братья,
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой...
О, вспомни ихъ, орелъ полночи!
Пошли имъ звонкій свой привѣтъ,
Пусть ихъ утѣшитъ, въ рабской ночи,
Твоей свободы яркій свѣтъ.
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,

И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!...
Придетъ пора—окрѣпнутъ крылья,
Младыя когти подростутъ,
Вскричатъ орлы—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!

Въ это же время онъ *началъ* трудиться надъ всеобщею исторіею: его неизданное сочиненіе объ этомъ предметѣ обнимаетъ исторію съ древнѣйшихъ поръ до X-го вѣка.

Лѣтомъ 1836 года, Хомяковъ женился на Екатеринѣ Михайловнѣ Языковой, сестрѣ поэта Языкова. Въ его домѣ *поселился племянникъ жены его, молодой Валуевъ*, издатель Симбирскаго и Историческаго Сборниковъ, умершій въ 1846 году. Алексѣй Степановичъ всегда съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ о времени, проведенномъ съ Валуевымъ: онъ называлъ это время самымъ дѣятельнымъ въ своей жизни. Труды и занятія его становились все *глубже и серьёзнѣе;* мнѣнія и образъ мыслей опредѣлились и сложились окончательно; онъ сдѣлался главнымъ и лучшимъ представителемъ цѣлаго направленія Русской умственной жизни. Собственнымъ примѣромъ, печатными статьями и еще болѣе живымъ словомъ, онъ проповѣдывалъ свое ученіе. Мысль его работала неутомимо; онъ постоянно будилъ ее въ своихъ собесѣдникахъ, и твердостью и положительностью убѣжденій сдѣлался особенно дорогъ *для* нашего младшаго поколѣнія, которому такъ часто приходится задавать себѣ вопросъ, выраженный въ стихахъ гр. Толстова:

Съ мучительной думой стою на пути,
На право ли, братцы, на лѣво ль идти?

Да и кромѣ того, въ бесѣдѣ съ Алексѣемъ Степановичемъ всегда было чему поучиться; голова его, по выраженію одного изъ нашихъ писателей, походила на фонарь: онъ *освѣщалъ всякій предметъ, къ которому подходилъ.* Изумительное обиліе даровъ духовныхъ было въ немъ до такой степени поразительно, что кто-то сказалъ про него, что

ежели бы его разнять на четыре части, то каждая часть была бы доступнѣе и въ этомъ смыслѣ лучше цѣлаго.

Въ 1846 и 47 годахъ, Хомяковъ снова путешествовалъ по Европѣ, жилъ въ Англіи, написалъ объ ней извѣстное письмо свое, и въ другой разъ посѣтилъ земли западныхъ Славянъ. Позволимъ себѣ привести слѣдующія строки, написанныя Хомяковымъ въ альбомѣ нашего почетнаго члена, В. В. Ганки. Въ бытность мою въ Прагѣ, я списалъ ихъ, съ позволенія владѣльца:

«Когда-то я просилъ Бога объ Россіи и говорилъ:

«Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой,
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой.»

«Эта же молитва у меня для всѣхъ Словянъ. Если не будетъ сомнѣнья въ насъ, то будетъ успѣхъ. Сила въ насъ будетъ, только бы не забывалось братство. Что я это могъ записать въ книгѣ вашей, будетъ мнѣ всегда помниться какъ истинное счастіе.»

Алексѣй Хомяковъ.

1847 года.
I. 19 д.

Мы не будемъ говорить о послѣднихъ годахъ жизни Хомякова, такъ какъ они болѣе или менѣе извѣстны нашему собранію; скажемъ только, что дѣятельность его нисколько не ослабѣвала, но, напротивъ, росла съ лѣтами. Съ 1853 года, онъ занялся особенно вопросами богословскими и издалъ три брошюры, на Французскомъ языкѣ, о значеніи Церкви. Однимъ изъ предсмертныхъ прозаическихъ произведеній его было неизданное письмо къ православнымъ Сербамъ, жителямъ Сербскаго княжества; тутъ вполнѣ и обстоятельно высказалъ онъ свои идеи объ отношеніяхъ къ Западу. Съ 1856 года принялъ онъ дѣятельное участіе въ изданіи Русской Бесѣды, и сдѣлался душею этого дѣльнаго и серьезнаго журнала.

Хомяковъ умеръ одинъ, въ Рязанской деревнѣ своей, Данковскаго уѣзда, селѣ Ивановскомъ, вдалекѣ отъ друзей

и отъ многочисленной семьи своей. 23-го Сентября, рано утромъ, онъ почувствовалъ первые признаки холеры, и тотчасъ принялъ мѣры (извѣстіе, сообщенное въ газетахъ, будто онъ совершенно отвергалъ медицинскую помощь, несправедливо); черезъ нѣсколько времени, когда болѣзнь не унималась, въ 8 часовъ, онъ исповѣдался и причастился Св. Таинъ, а въ 2 часа соборовался; послѣ этого сталъ принимать лекарства, привезенныя изъ сосѣдней деревни. Къ вечеру ему стало, по-видимому, легче; но онъ совершенно сознавалъ близость развязки, самъ щупалъ пульсъ свой, замѣчалъ постепенное ослабленіе его, и когда кто-то сказалъ ему, что его глаза стали свѣтлѣе, отвѣчалъ: «*А завтра какъ будутъ свѣтлы!*» Въ $7^{3}/_{4}$ часовъ вечера онъ тихо отдалъ душу Богу.—Исполнилось желаніе, выраженное имъ въ одномъ изъ раннихъ его стихотвореній:

Творецъ вселенной!
Услышь мольбы полночный гласъ:
Когда, Тобой опредѣленный,
Настанетъ мой послѣдній часъ,
Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье!
Тогда покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья,
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ ангелъ-разрушитель,
Какъ гость издавна жданный мной:
Мой взоръ измѣритъ великана,
Боязнью грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольняго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспаритъ.

П. Бартеневъ.

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЬ ХОМЯКОВЪ,

КАКЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Рѣчь, читанная Секретаремъ Общества, въ засѣданіи 6-го Ноября, 1860 года.

Сегодняшнее наше засѣданіе, мм. гг., имѣетъ особое значеніе не только для насъ, но и для всего просвѣщеннаго Русскаго общества. Мы собрались во имя одного общаго чувства любви и уваженія къ памяти того, кто былъ представителемъ Общества Любителей Россійской Словесности, — кто оживлялъ нашу дѣятельность приложеніемъ къ ней щедрыхъ даровъ, данныхъ ему Провидѣніемъ. Мы гордились нашимъ предсѣдателемъ и горячо любили его, какъ человѣка, зная близко не только его умъ, дарованія и познанія, но и его возвышенную душу, его прекрасное сердце. Желая почтить память дорогаго, незамѣнимаго А. С. Хомякова, мы не усомнились пригласить къ участію въ нашемъ печальномъ торжествѣ все просвѣщенное Московское общество. Представители его, въ лицѣ почтенныхъ посѣтителей, присутствующихъ въ нашемъ собраніи, свидѣтельствуютъ о томъ, что нашей печали сочувствуетъ это общество, котораго покойный былъ лучшимъ украшеніемъ. Они собрались на горестныя помники съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ они посѣщали наши собранія, когда они оживлялись краснорѣчивымъ словомъ, облекавшимъ свѣтлыя мысли нашего покойнаго предсѣдателя. И такъ, мы можемъ смѣло сказать, что нашъ трауръ есть трауръ всего Русскаго общества, которое уже цѣнитъ нынѣ по достоинству и таланты поэта и ученые труды столько же, сколько высокія нравственныя качества человѣка и общественныя заслуги гражданина, какимъ въ самомъ высокомъ значеніи слова былъ Хомяковъ.

Сочувствіе это высказывается уже не власти, не чинамъ, не знакамъ суетныхъ отличій, не дворскимъ почестямъ. Тотъ, котораго собрались мы помянуть, былъ далекъ отъ того, что обольщаетъ большинство людей. Онъ былъ просто Хомяковъ, и этого достаточно, чтобы сошлись сюда тѣ, кто любитъ свободную мысль и родное слово, кто чтитъ память достойнаго гражданина своего отечества. Въ этомъ сочувствіи не слышится ли голосъ возникающаго у насъ общественнаго мнѣнія, не видится ли одинъ изъ проблесковъ зари, возвѣщающей новое время на Руси? Вотъ почему сегодняшнее наше засѣданіе имѣетъ, по моему мнѣнію, особое значеніе, помимо значенія его въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности.

Почтенный нашъ предсѣдатель, М. П. Погодинъ, бывшій въ теченіи долгихъ лѣтъ связанъ съ А. С. Хомяковымъ узами тѣсной, неизмѣнной дружбы, свидѣтель, посвященный во всѣ подробности его литературныхъ занятій, ученыхъ трудовъ, взглядовъ его на общественные вопросы, занимавшіе его, представилъ сейчасъ обзоръ этой изумительно-разнообразной, энергической, чистой какъ золото дѣятельности, на сколько это возможно въ краткомъ очеркѣ, назначенномъ для сегодняшняго чтенія. Посѣтители нашего собранія имѣли возможность свести въ одинъ фокусъ все то, что многіе узнавали объ А. С. Хомяковѣ порознь, отрывочно, въ теченіи его жизни, посвященной столькимъ трудамъ. На мою долю выпадаетъ говорить о предметѣ спеціальномъ, но тѣмъ не менѣе знаменательномъ и важномъ для насъ. Какъ на секретарѣ Общества Любителей Россійской Словесности, которому лучше всѣхъ должна быть извѣстна его исторія, какъ на ближайшемъ сотрудникѣ А. С. Хомякова въ его дѣятельности по Обществу, на мнѣ лежитъ обязанность говорить о покойномъ, какъ о нашемъ предсѣдателѣ, напомнить о его заслугахъ Обществу. Позвольте же мнѣ, мм. гг., представить вашему вниманію нѣкоторыя черты, обрисовывающія эту дѣятельность и эти заслуги.

Наше Общество, послѣ бездѣйствія, продолжавшагося почти четверть вѣка, было возобновлено въ началѣ 1858 года, и предсѣдателемъ его избранъ былъ въ то же время А. С. Хомяковъ. Въ концѣ того же года оно опять учре-

дило свои постоянныя засѣданія. Въ теченіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ, они преимущественно были посвящены устройству порядка по тѣмъ, такъ сказать, внѣшнимъ предметамъ, которыхъ опредѣленіе, однако, всегда необходимо для всякаго учрежденія этого рода, для правильнаго и безостановочнаго дѣйствія всѣхъ пружинъ его организаціи. Въ нашемъ Обществѣ такая задача была довольно затруднительна. Приходилось связывать настоящее съ давно-прошедшимъ, отыскивать затерянные слѣды минувшаго и забытаго, заявлять свои старинныя права, воскрешать преданія, возстановлять разрозненные остатки когда-то существовавшаго цѣлаго. Въ то же время нужно было примѣняться къ новымъ требованіямъ и нравамъ, такъ рѣзко отличающимся отъ привычекъ и воззрѣній давно-минувшаго. Предсѣдателю нашему нужно было имѣть, кромѣ любви къ дѣлу, и то чувство мѣры, то тонкое пониманіе истинныхъ потребностей общества, которое опредѣляетъ настоящія границы, на которыя минувшее должно имѣть неотъемлемыя права, и вмѣстѣ съ тѣмъ проводитъ черту, за которую старина не должна простираться, уступая мѣсто уже требованіямъ современнымъ. Не найти этой границы значитъ или произвести коснѣніе, или отдать дѣло на жертву случая. Тутъ, на этомъ первомъ дѣлѣ, Общество могло убѣдиться въ томъ, какъ счастливъ былъ выборъ въ предсѣдатели А. С. Хомякова, выказавшаго въ немъ именно качества, необходимыя для достиженія цѣли, о которой я сейчасъ говорилъ.

Исправляя, съ самаго возобновленія Общества, должность секретаря и пользуясь дорогой его дружбой ко мнѣ, я былъ ближайшимъ свидѣтелемъ безпрестанныхъ заботъ его въ этомъ отношеніи, а всѣ гг. члены знаютъ, по нашимъ засѣданіямъ, въ чемъ именно состояли они и къ какимъ счастливымъ результатамъ они насъ привели. Уставъ нашъ, писанный за полвѣка, не былъ измѣненъ по современной модѣ и страсти—все укладывать въ узкія рамки формалистики. Его не терзали на Прокустовомъ ложѣ этой мертвящей формалистики, не хотящей знать сущности дѣла, растягивающей или отсѣкающей живые органы по мѣркѣ, данной самоувѣреннымъ убѣжденіемъ въ непогрѣшимости какихъ-нибудь отвлеченныхъ представленій. Между тѣмъ раждалось, однако,

множество разнородныхъ и спорныхъ вопросовъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія. Всѣ они ставились А. С. Хомяковымъ такимъ образомъ, что рѣшенія большинства членовъ не могли не подходить, хотя по крайней мѣрѣ приблизительно, къ той разумной чертѣ, о которой я сейчасъ говорилъ. Такимъ образомъ, опять сложилось и окрѣпло наше возобновленное Общество, на основахъ, не мало способствующихъ тому дружелюбію, тому взаимному доброжелательству, которыя существуютъ въ взаимныхъ отношеніяхъ его членовъ. Примиряющій духъ его предсѣдателя далъ первоначальное направленіе и характеръ его дѣйствіямъ.

Засѣданія наши оживлялись уже и въ этомъ періодѣ нѣкоторыми чтеніями и рѣчами предсѣдателя, которыя возбуждали въ публикѣ живое любопытство. Общій голосъ нетерпѣливо требовалъ открытія публичныхъ засѣданій. Дѣла Общества были приведены въ порядокъ и предстояло приступить къ ихъ учрежденію.

Однако, всѣми признанныя, блестящія дарованія и многосторонніе познанія А. С. Хомякова не мѣшали въ немъ тому отсутствію самоувѣренности, той скромности, которая бываетъ неразлучнымъ спутникомъ истиннаго достоинства. Онъ смотрѣлъ на обязанность предсѣдателя какъ на временную заботу, ему порученную, до совершеннаго приведенія въ ясность и порядокъ дѣлъ Общества, и хотѣлъ послѣ того уступить свое мѣсто другому. Онъ намѣревался отказаться отъ должности своей такъ, чтобы на первомъ публичномъ засѣданіи Общество собралось уже подъ предсѣдательствомъ другаго президента. Долго не соглашался онъ измѣнить это намѣреніе, не смотря на усильныя просьбы членовъ, желавшихъ, чтобы онъ продолжалъ занимать должность, на которую онъ имѣлъ столько правъ. Наконецъ, очевидность такого общаго желанія не могла уже быть подвержена сомнѣнію, и онъ далъ М. А. Максимовичу и мнѣ слово остаться предсѣдателемъ.

Съ Марта 1859 года начались и публичныя засѣданія Общества, чѣмъ открывается новый періодъ его существованія, въ которомъ оно сблизилось съ публикой. Въ этихъ обстоятельствахъ А. С. Хомяковъ еще болѣе умѣлъ привязать къ себѣ своихъ сочленовъ. Его заботливость, его без-

пристрастіе, его тактъ болѣе всего содѣйствовали установленію нашихъ публичныхъ чтеній на тѣхъ основаніяхъ, какія существуютъ теперь и которыя пріобрѣли Обществу сочувствіе Москвы. Постоянное личное его участіе въ нихъ возбуждало общій интересъ, никогда не обманутый, давало нашимъ публичнымъ собраніямъ вѣрный камеръ-тонъ, сглаживало тѣ впечатлѣнія, которыя могли быть растолкованы злонамѣренностью въ чей-либо ущербъ. Сохранимте, мм. гг., по возможности, эти преданія, и намъ не останется желать ничего лучшаго для достоинства и доброй славы нашего Общества.

Такъ дѣйствовалъ нашъ достойный предсѣдатель, слѣдуя неуклонно мысли, выраженной имъ въ рѣчи при возобновленіи публичныхъ засѣданій Общества: «Мы не будемъ употреблять», говорилъ онъ, «литературнаго слова для цѣлей личныхъ и своекорыстныхъ, не будемъ смотрѣть на него, какъ на орудіе для страстей злыхъ, низкихъ или нечистыхъ, и не будемъ унижать его лестью самой литературѣ... или лестью всему обществу, въ которомъ такъ мало еще согласія съ сущностію Русской жизни» (Руская Бесѣда, 1860, кн. I, отд. 1, стр. 19).

Не вдаваясь во всѣ подробности дѣятельности А. С. Хомякова въ нашемъ Обществѣ, хорошо знакомыя каждому изъ васъ, мм. гг., я не могу не остановиться, однако, на одномъ знаменательномъ обстоятельствѣ, въ которомъ такъ явственно обрисовался его характеръ. Я говорю о дѣлѣ касательно права Общества на собственную цензуру, издаваемыхъ имъ, книгъ. Оборотъ, данный этому дѣлу, при самомъ его началѣ, не оставлялъ почти никакого сомнѣнія въ исходѣ, который ожидалъ его. Это не помѣшало нашему предсѣдателю вести дѣло съ тою энергіею, которая одна могла еще дать надежду на перевѣсъ сторонѣ, имѣющей такъ мало залоговъ успѣха. Онъ сознавалъ, что въ случаѣ если бы вся эта энергія не была употреблена въ дѣло, могло бы впослѣдствіи возникнуть нѣчто въ родѣ упрека за то, что не всѣ зависящія мѣры были приняты для достиженія желанной цѣли. Вы помните, мм. гг., дѣйствія А. С. Хомякова въ этихъ затруднительныхъ и щекотливыхъ обстоятельствахъ. Кто не отдастъ ему полной

справедливости, кто не скажетъ, что Общество, въ которомъ всегда предсѣдатель имѣетъ такое сильное нравственное значеніе, пріобрѣло и въ этомъ случаѣ сочувствіе и одобреніе общественнаго мнѣнія?

Однако А. С. Хомяковъ не захотѣлъ остаться предсѣдателемъ при новыхъ условіяхъ существованія Общества. Тонкое, деликатное чувство и высокая гражданская честность нашего предсѣдателя дѣлали для него въ этомъ случаѣ нестерпимымъ всякое недоразумѣніе, какъ бы ни было трудно ожидать его съ чьей бы то ни было стороны. Онъ отказался отъ своей должности, и тутъ получилъ лучшую награду, какой можетъ желать человѣкъ, подобный ему. Просьба членовъ къ нему, остаться предсѣдателемъ, была не пустою формальностію или учтивостію: это былъ порывъ искренній и единодушный, которому нельзя было не внять. А. С. Хомяковъ согласился на эту просьбу, ко всеобщей радости членовъ и посѣтителей нашихъ собраній, которые принимали живое участіе въ исходѣ этого дѣла. Такъ сдѣлался популяренъ и любимъ Хомяковъ! Онъ сказалъ намъ тогда: «Вашъ единодушный и дружный голосъ утвердилъ за мною званіе предсѣдателя. Онъ снялъ съ меня всякій кажущійся упрекъ, онъ выразилъ ваше довѣріе и—смѣю сказать болѣе—выразилъ ваше сочувствіе (Руская Бесѣда, 1860, кн. I, отд. 1, стр. 38).

Да! Онъ могъ говорить о сочувствіи своихъ сочленовъ,—тотъ, который совмѣщалъ въ себѣ всевозможныя разнородныя данныя, чтобы быть представителемъ общества ученолитературнаго, особенно при условіяхъ, налагаемыхъ у насъ на учрежденія такого рода не одною сущностью дѣла, но самою шаткостью всей общественной среды и могуществомъ произвола постороннихъ враждебныхъ вліяній. Въ А. С. Хомяковѣ соединялось все для поддержанія, какъ ученаго, такъ и нравственнаго, достоинства Общества: личный характеръ, извѣстный своею безукоризненною чистотою; врожденная самостоятельность въ мысляхъ и образѣ дѣйствій; обширныя связи; извѣстность имени въ Россіи и за границей; преданіе, связывавшее его съ литературнымъ періодомъ временъ Пушкина; глубокое знаніе Русскаго языка и литературы; короткое знакомство съ словесностію

другихъ Славянскихъ племенъ и всѣми Европейскими литературами; обширныя, разнороднѣйшія познанія, дѣлавшія его живою энциклопедіею; превосходный поэтическій талантъ; мастерское перо; увлекательный даръ слова; добродушіе и мягкость въ отношеніяхъ съ людьми; терпимость къ чужимъ мнѣніямъ; искусство находить настоящую точку зрѣнія и вести отъ нея рѣшеніе вопросовъ въ дѣлахъ общественныхъ; умѣнье сближать людей и сдѣлаться живымъ центромъ мыслящаго круга; умъ, одинаково способный къ глубокимъ соображеніямъ или мѣткой ироніи; необыкновенно развитое эстетическое чувство при оцѣнкѣ произведеній искусствъ всякаго рода,—таковы были качества этого по истинѣ необыкновеннаго человѣка, котораго мы теперь лишились.

Весною, передъ закрытіемъ нашихъ засѣданій на лѣто, А. С. Хомяковъ радовался начатію въ нашемъ Обществѣ новаго рода дѣятельности: изданіе словаря В. И. Даля, писемъ Карамзина и Грибоѣдова и сборника пѣсень покойнаго друга его П. В. Кирѣевскаго должны ознаменовать новый періодъ дѣятельности Общества. Но Провидѣнію не угодно было, чтобъ онъ видѣлъ его осуществленіе.

Я былъ послѣднимъ изъ нашей среды, которому удалось видѣться съ покойнымъ и проститься съ нимъ. Въ Августѣ, А. С. Хомяковъ пріѣзжалъ въ Москву на короткое время; мы видѣлись ежедневно, и послѣдній день его пребыванія здѣсь провели вмѣстѣ на дачѣ у нашего почетнаго члена, графа Д. Н. Блудова. Алексѣй Степановичъ былъ совершенно здоровъ, и его ни на минуту не оставляло то остроумное и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушное веселье духа, которое составляло такую привлекательную особенность его характера. Могъ ли я думать, что прощаюсь съ нимъ навсегда?..

Смерть скоропостижная похитила у семьи, у друзей, у всего Русскаго общества, этого достойнаго, этого рѣдкаго человѣка. Печальная вѣсть эта поразила всѣхъ, начиная съ крестьянъ его, лишившихся примѣрнаго помѣщика, до тѣхъ, которые даже не знали его лично, но уважали его дарованія литературныя, его пламенное, честное стремленіе къ просвѣщенію и благу Россіи, безпрерывно высказывавшееся имъ въ теченіи столькихъ лѣтъ.

Людямъ какъ Хомяковъ умирать легко. Онъ жилъ по-

стояпно *духомъ* и *въ духѣ*. Онъ смотрѣлъ на міръ какъ на внѣшнее проявленіе силъ духовныхъ, какъ на поприще для дѣятельности души и разума человѣка; ему были дороги одни интересы религіозные, нравственные и умственные. Искренно вѣрующій христіанинъ, онъ постоянно стремился осуществить на землѣ высокое назначеніе человѣка въ тѣхъ границахъ, какія опредѣлены ему Провидѣніемъ; онъ былъ преисполненъ теплаго чаянія жизни иной, для которой земное существованіе служитъ только приготовленіемъ. При такихъ убѣжденіяхъ, онъ достигъ той нравственной высоты, которая привлекала къ нему всякаго, кто съ нимъ сходился. Жизнь Хомякова была праведна. Онъ былъ набоженъ по убѣжденію, про себя, безъ всякихъ притязаній; онъ дѣлалъ много добра, тайно, по одному влеченію великодушнаго сердца; онъ былъ примѣрный семьянинъ и по чувствамъ и по сознанію высокаго призванія, налагающаго на главу семейства обширныя обязанности. Вся его дѣятельность, какъ гражданина и писателя, чиста и безукоризненна, потому что онъ дѣлалъ и говорилъ только то, что внушалось ему убѣжденіемъ благородной души, убѣжденіемъ, которому онъ не измѣнялъ ни для чего, ни для кого. Съ покорностію волѣ Провидѣнія, съ спокойствіемъ духа, съ твердою вѣрою въ будущую жизнь, переступилъ онъ въ нее, и переходъ этотъ былъ для него лишь ступенью къ новому просвѣтленію безсмертнаго духа.

О, если отшедшій отъ земли духъ его принимаетъ еще участіе въ томъ, что̀ волновало и привязывало его въ этой жизни, не сладкую ли награду за свой земной подвигъ пайдетъ онъ въ сегодняшнемъ нашемъ торжествѣ! Здѣсь, въ средѣ Общества, къ которому такъ былъ привязанъ покойный, здѣсь, въ кругу друзей его, въ Москвѣ, которую онъ такъ горячо любилъ, справляется сердечная по немъ тризна, и общій голосъ посылаетъ ему свой дружный, искренній привѣтъ, свое послѣднее прощанье: «Миръ твоему праху и вѣчная тебѣ память, нашъ благородный, нашъ добрый, нашъ незамѣнимый Хомяковъ! »

М. Лонгиновъ.

3 Ноября, 1860.

О ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПОКОЙНАГО

А. С. ХОМЯКОВА.

(Статья, читанная, 6 Ноября, 1860, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности).

Въ началѣ нынѣшняго года, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, извѣщая объ избраніи меня въ члены Общества Любителей Россійской Словесности, просилъ начать мои чтенія въ Обществѣ обзоромъ современной дѣятельности въ области Славянской филологіи. Могъ ли я предвидѣть тогда, что первое мое чтеніе придется посвятить очерку его же собственной филологической дѣятельности?... Съ глубокой скорбію принимаю на себя исполненіе этой задачи; но, по недостатку времени, не буду въ состояніи представить Обществу подробнаго изложенія филологическихъ трудовъ и выводовъ покойнаго его предсѣдателя. Я принужденъ буду ограничиться только краткою характеристикою его дѣятельности въ этомъ отношеніи. Да простятъ мнѣ также, если въ настоящей характеристикѣ я иногда брошу взглядъ и за тѣсные предѣлы филологической науки. Алексѣй Степановичъ менѣе всѣхъ держалъ науку въ рамкахъ спеціальности; его умъ обнималъ разомъ всѣ ея вѣтви и всѣ ихъ взаимныя соотношенія. Невозможно опредѣлить его дѣятельности по одной части, не обращая вниманія на другія.

Заслуги А. С. Хомякова въ дѣлѣ сравнительнаго языкознанія могутъ быть вполнѣ оцѣнены только тогда, когда изданы будутъ всѣ его ученые труды. То, что онъ напечаталъ, относительно этой науки, составляетъ лишь маловажную долю тѣхъ лингвистическихъ соображеній и выводовъ, которые онъ разсѣялъ въ своемъ большомъ рукопис-

номъ трудѣ, касающемся всемірной исторіи. Его «Сравненіе Русскихъ словъ съ Санскритскими», вышедшее въ IV томѣ Извѣстій II Отдѣленія Академіи Наукъ, есть малая частица того огромнаго лингвистическаго матеріала, который онъ переработалъ. Матеріалъ этотъ такъ великъ, такъ разнообразенъ, что на переработку его потребовался бы для другаго человѣка усидчивый трудъ цѣлой жизни, спеціально посвященный филологическимъ изысканіямъ. У Хомякова такая работа совмѣщалась съ самою разностороннею дѣятельностью по множеству другихъ наукъ, и грузъ лингвистическаго матеріала не подавлялъ въ этомъ дивномъ человѣкѣ живости художественнаго творчества, не заглушалъ въ немъ чуткости къ современнымъ вопросамъ общества и человѣчества. Въ нашихъ понятіяхъ, филологія, лингвистика, обыкновенно представляется какою-то сухою отвлеченностью, какою-то лишнею роскошью ученаго трудолюбія, и лингвистъ является намъ въ образѣ буквоѣда, поглощеннаго отыскиваньемъ корней и звуковыхъ аналогій, ни къ чему не ведущихъ. У Хомякова лингвистика была знаніемъ живымъ; онъ созналъ живую сторону лингвистики въ то время, когда эта наука едва начинала терять въ Европѣ характеръ пустой ученой игрушки; она тотчасъ заняла въ его созерцаніи то мѣсто, которое принадлежитъ ей въ живой связи человѣческихъ знаній; свѣтъ общей мысли животворилъ всѣ эти тысячи корней и звуковыхъ видоизмѣненій изъ всевозможныхъ языковъ, хранившіяся въ его памяти, и потому такой громадный лингвистическій матеріалъ былъ, какъ я уже замѣтилъ, легкимъ бременемъ для его ума.

Принимая науку отъ Запада, Россія вмѣстѣ съ тѣмъ приняла отчасти организацію научной дѣятельности, сложившуюся на Западѣ: она перенесла, съ Нѣмецкою наукою, на Русскую почву Нѣмецкій *Fach*, который въ наукѣ есть не что иное, какъ цехъ въ ремеслѣ. На Западѣ такой характеръ учености долженъ былъ естественно развиться изъ общаго хода жизни. Въ Германіи, гдѣ начало индивидуальности проявилось всего односторонніе, и *Fach* получилъ наибольшее значеніе въ ученой дѣятельности: одинъ ученый посвящалъ себя исключительно изученію Греческихъ частицъ μὲν

и *dé*, и кромѣ этихъ частицъ ничего другаго знать не хотѣлъ; другой—весь свой вѣкъ изучалъ *комара*, и кромѣ *комара* ничего не видѣлъ на свѣтѣ. Въ новѣйшее время Германская ученость, имѣя въ челѣ своемъ такихъ людей какъ Гумбольдтъ и Гриммъ, выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ спеціальности, и пытается строить зданіе изъ массы матеріала, приготовленнаго труженниками спеціалистами; въ этомъ дѣйствуетъ на нее отчасти примѣръ Англіи и Франціи, гдѣ наука хранила бо́льшую связь съ жизнію. Но при безконечномъ своемъ разнообразіи и богатствѣ, при великихъ попыткахъ обобщенія, наука Запада все остается односторонпею: ибо въ основаніе кладется взглядъ односторонній, и на этомъ основаніи возводится зданіе изъ фактовъ, разсмотрѣнныхъ и понятыхъ односторонне; а сколько односторонностей вы ни соберете, ни сопоставите, ни соедините,—органическаго цѣлаго изъ нихъ не выйдетъ. Не знаю, согласятся ли мои почтенные слушатели съ этимъ моимъ мнѣніемъ; но таково впечатлѣніе, которое я получилъ изъ всего, что читалъ и знаю изъ произведеній западной науки.

Хомяковъ же былъ человѣкомъ всестороннимъ по преимуществу, и вся многосторонность его знаній, его дѣятельности, составляла въ немъ живое органическое цѣлое. Эту многосторонность, эту цѣлость, онъ внесъ и въ свои ученые труды. Въ томъ его великая, безсмертная заслуга. Усвоивъ себѣ всѣ данныя западной науки, онъ созналъ ихъ односторонность. Онъ намъ сказалъ, что мы, что Россія призваны по преимуществу къ всестороннему, къ живому, органическому построенію науки; ибо Русскій народъ свободенъ отъ тѣхъ предразсудковъ и предубѣжденій, отъ того раздвоенія мысли, наконецъ отъ той гордости прошлымъ, которыя обусловливаютъ односторонность взгляда у западныхъ народовъ. И, не довольствуясь общими умозрѣніями, онъ попытался выработать и развить тѣ живыя, органическія начала, на которыхъ должна быть построена всесторонняя исторія человѣчества. Исторія въ тѣсномъ смыслѣ, бытъ, преданія, религія и философскія системы, памятники художественные и, наконецъ, языкъ, однимъ словомъ—всѣ проявленія человѣчества, начиная съ его колыбели, все подверг-

лось его всестороннему анализу; во всемъ старался онъ доискаться жизненнаго значенія, и все возвести въ органическое цѣлое. Этимъ-то онъ и обозначаетъ начало новой эпохи въ развитіи Русской мысли, Русской науки; по этому-то и будутъ называть его «мужемъ начинанія», какъ уже назвалъ его одинъ изъ почтенныхъ нашихъ писателей,—мужемъ начинанія жизненнаго, плодотворнаго. Великій примѣръ, который онъ подалъ всѣмъ Русскимъ ученымъ и мыслителямъ, не останется безъ послѣдователей, я въ этомъ увѣренъ. Я говорю: послѣдователей, а не подражателей. Подражать его всеобъемлющей дѣятельности невозможно: для нея нужна сила и воспріимчивость ума, какая дается немногимъ даже изъ числа немногихъ людей съ первостепеннымъ талантомъ. Но хотя бы ограниченность силъ и заставляла нашихъ дѣятелей сосредоточить себя на одномъ какомъ-нибудь предметѣ, послѣдователемъ Хомякова будетъ всякій, кто не зароется въ своей спеціальности, какъ кротъ подъ землею, и не станетъ въ ней вѣрить слѣпо ни своему, ни чужимъ авторитетамъ, а съ свободою мысли, съ живымъ сознаніемъ народныхъ и общечеловѣческихъ началъ въ душѣ, выйдетъ бодрымъ дѣятелемъ на свой урочный трудъ. Хомяковъ первый попытался свергнуть рабство нашей мысли предъ Западомъ; онъ возбуждалъ въ насъ сознаніе нашихъ народныхъ и общечеловѣческихъ началъ; онъ показывалъ намъ ихъ всеобъемлющее примѣненіе. При наступленіи новой умственной эпохи, нуженъ бываетъ такой всеобъемлющій начинатель. Теперь, съ этою свободою мысли, съ этимъ сознаніемъ нашихъ жизненныхъ началъ и съ этимъ примѣромъ, Русскіе дѣятели пойдутъ впередъ; частные труды не обратятся въ черствую спеціальность Нѣмецкой *Fachgelehrsamkeit;* всѣ они будутъ основываться на живой почвѣ, и всѣ, въ совокупности, направлены будутъ къ жизненной цѣли: къ развитію самобытнаго просвѣщенія Русскаго, чтобы Русскій народъ былъ не безполезнымъ членомъ человѣческой семьи.

Нѣкоторые изъ тѣхъ, кого стали такъ удачно именовать у насъ «старовѣрами Запада», называли Хомякова дилетантомъ науки. Имъ казалось непонятнымъ, какимъ образомъ можно быть, напримѣръ, лингвистомъ, и не предаваться исключительно лингвистикѣ: ибо идея Нѣмецкой *Fach-*

gelehrsamkeit, пересаженная на Русскую землю, пережила въ Россіи господство этой идеи въ самой Германіи, по природному закону, въ слѣдствіе котораго начала заимствованныя остаются неподвижными, тогда какъ на своей почвѣ онѣ развиваются. Въ Германіи *Fachgelehrsamkeit* считается уже явленіемъ отсталымъ; у насъ же многіе придерживаются его, какъ чего-то необходимаго. Тѣ, которые называютъ Хомякова дилеттантомъ въ наукѣ, пожалуй, и признали бы его настоящимъ ученымъ, хоть, напримѣръ, въ лингвистикѣ, если бы онъ, не посвящая ей спеціально своихъ трудовъ, сталъ пользоваться готовыми выводами Боппа, Потта и Гримма, и примѣнять ихъ, положимъ, къ исторіи, какъ это дѣлаютъ обыкновенно западные ученые, сознающіе теперь необходимость подкрѣплять показанія древней исторіи свидѣтельствами языка. Но не довѣрять Боппу, Потту и Гримму, какъ изслѣдователямъ слишкомъ односторонпимъ, осмѣляться подвергнуть ихъ выводы критическому анализу,—это другое дѣло, и Хомяковъ дилеттантъ. Я спрошу только: что разумѣется подъ словомъ дилеттантъ? Сколько я знаю, дилеттантомъ въ наукѣ называютъ того человѣка, который схватываетъ верхушки знанія, и, принимая на вѣру чужіе выводы, пользуется ими, чтобы придать себѣ видъ учености. Скажите же мнѣ: что можетъ быть противоположнѣе характеру Хомякова, который никогда чужаго не принималъ на вѣру, во всемъ доискивался источника и живаго смысла, а въ общежитіи былъ чуждъ всякихъ наружныхъ примѣтъ ученаго? И скажите мнѣ: что, съ другой стороны, болѣе сходно съ понятіемъ о дилеттантизмѣ, какъ не страсть тѣхъ самыхъ людей, которые обвиняли Хомякова,—принимать на вѣру выводы западной науки, и посредствомъ этого легкаго труда присвоивать себѣ характеръ учености?

Отъ изученія Германской философіи, Хомяковъ, не удовлетворившись ею, перешелъ къ мысли о необходимости новыхъ началъ для полнаго, живаго пониманія развитія человѣчества. Углубляясь въ исторію, въ исторію религій и философій, онъ понялъ жизненную связь лингвистики съ этими науками. Онъ принялся за лингвистику какъ за предметъ вспомогательный для исторіи. Это было въ 30-тыхъ годахъ,

когда только начинала выходить сравнительная грамматика Боппа, когда сравнительное языковѣдѣнье было еще новостью даже въ западной наукѣ, и когда важность его для исторіи едва ли кто и подозрѣвалъ. Собравши, вмѣстѣ съ Пановымъ, лучшую библіотеку по части Славянскихъ нарѣчій, изучивши ее, Алексѣй Степановичъ обратилъ особенное вниманіе на языкъ Санскритскій, какъ на древнѣйшую изъ вѣтвей Арійскихъ. *Онъ первый высказалъ мысль*, что между вѣтвями Арійской рѣчи, которыя всѣ связаны взаимнымъ сродствомъ, ближайшее и какъ бы частное, семейное сродство соединяетъ три восточныя вѣтви: Индійскую, Литовскую и Славянскую. Эта мысль, которая еще не принята на Западѣ, для насъ *сдѣлалась несомнѣнною истиною по сличеніи лексическаго* матеріала поименованныхъ языковъ, и мы выразили ее печатно Вотъ что по этому поводу писалъ намъ Алексѣй Степановичъ, доставляя намъ свое «Сравненіе Русскихъ словъ съ Санскритскими»: «Посылаю вамъ трудъ свой, о которомъ я уже говорилъ вамъ въ Москвѣ. Совершенъ онъ при всѣхъ возможныхъ препятствіяхъ и вдали отъ всѣхъ возможныхъ пособій, частью въ деревнѣ, частью на почтовыхъ станціяхъ и на заводѣ между фабричныхъ работъ. Сравнилъ я слишкомъ тысячу словъ Санскритскихъ съ Русскими, предпочитая вообще формы болѣе развитыя первообразнымъ, для яснѣйшаго показанія сродства этихъ двухъ языковъ, и удерживая только сходства самыя разительныя за исключеніемъ сомнительныхъ или даже несомнѣнныхъ, но требующихъ въ читателѣ бо́льшаго знакомства съ перерожденіемъ звуковъ. Если исключитъ сомнительныя и обозначенныя мною вопросительнымъ знакомъ, и словъ съ пятокъ Малороссійскихъ или церковно-Славянскихъ, которыя мною помѣщены по разсѣянности, останется еще болѣе тысячи, изъ коихъ многія перешли черезъ цѣлый рядъ многосложныхъ развитій. Я не принялъ въ соображеніе ни одного областнаго слова (кажется, за исключеніемъ *мара*), ни Малороссійкаго нарѣчія, ни даже Бѣлорусскаго. При нихъ, это число—тысяча—конечно болѣе бы чѣмъ утроилось. Присоедините потомъ все богатство Славянскихъ нарѣчій, южныхъ и западныхъ, и тогда явно будетъ такое сходство, которое доходитъ почти до тождества въ лексическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, трудъ мой, какъ онъ ни недостаточенъ (въ чемъ, разумѣется, я не сомнѣваюсь), служитъ явнымъ подтвержденіемъ теоріи, вами высказанной. Точно также изъ него явно выходитъ, что языкъ Славянскій и Русское его нарѣчіе суть остатки первичной формаціи, и (кромѣ Литовскаго) единственные въ мірѣ уцѣлѣвшіе остатки этой формаціи. Кажется, даже послѣ бѣглаго взгляда на прилагаемый мною списокъ, ни одинъ разумный и добросовѣстный филологъ не усомнится поставить звуковое сродство языковъ Санскритскаго и Русскаго внѣ всякаго сравненія съ сродствомъ другихъ языковъ, даже Эллинскаго съ Санскритскимъ (опять, разумѣется, за исключеніемъ Литовскаго).»

Нашъ почтенный Санскритологъ, К. А. Коссовичъ, засвидѣтельствовалъ недавно съ каѳедры Петербургскаго университета, что онъ обязанъ Хомякову основаніями своего ученаго образованія. Онъ говорилъ мнѣ, что еще въ 30-тыхъ годахъ Хомяковъ читалъ и свободно изъяснялъ Ригъ-Веду, одну изъ труднѣйшихъ книгъ древнихъ Индусовъ. Независимо отъ изученія Санскритскаго языка и другихъ Арійскихъ вѣтвей, онъ усвоилъ себѣ главныя основанія языка Еврейскаго; онъ изучилъ остатки Финикійскаго языка; многія страницы его великаго историческаго творенія свидѣтельствуютъ, что онъ старался вникнуть въ сущность даже отдаленнѣйшихъ языковъ Азіи и Африки. Если онъ, при жизни своей, напечаталъ только, какъ я сказалъ, небольшое «Сравненіе Русскихъ словъ съ Санскритскими», то этому причиной было, что у него филологическія соображенія связывались нераздѣльно съ цѣлымъ его историческимъ взглядомъ, изложеннымъ въ твореніи, надъ которымъ онъ работалъ постоянно (хотя иногда съ большими перерывами) до своей смерти и котораго не хотѣлъ издавать отрывками. Цѣльность его взгляда въ этомъ отношеніи была такова, что, рѣшившись напечатать «Сравненіе Русскихъ словъ съ Санскритскими», какъ сырой матеріалъ, онъ не согласился, не смотря на мою настоятельную просьбу, написать предисловіе къ этому труду, потому что ему казалось невозможнымъ въ подобномъ предисловіи ограничиться одною филологіею; а выйти изъ ея предѣловъ нельзя было, по тогдашнимъ обстоятельствамъ (дѣло было въ 1854 году): «Все

еще предисловія не написалъ (привожу слова его изъ письма). Да нельзя ли въ Академическихъ извѣстіяхъ безъ него обойтись?... Легко сказать: надобно выразить мой особенный взглядъ на Филологію для народовъ Славянскихъ, т. е., затронуть вопросъ народности и той живой струи, которая протекаетъ во всѣхъ племенахъ Славянскихъ, дѣлая ихъ явленіемъ особеннымъ и рѣзко отдѣленнымъ отъ другихъ народовъ. Да куда это меня заведетъ? и что подъ этимъ всѣмъ разумѣть будутъ? Обыкновенно вступленіе пишется *ad captandam benevolentiam*, а тутъ начало будетъ *ad damnationem merendam*. Подумайте объ этомъ. »

Позволю себѣ привести отрывокъ изъ другаго письма, изъ котораго видно, какъ высоко Хомяковъ ставилъ значеніе языковѣдѣнія въ смыслѣ живой науки. Онъ говоритъ, по поводу статьи К. С. Аксакова о глаголахъ: « Если будетъ переведена, она дастъ Германіи гораздо яснѣйшее понятіе о геніи Славянскихъ нарѣчій и объ ихъ особенности. Думаю, что впрочемъ то качество, которымъ онѣ отличаются въ этомъ отношеніи, нѣкогда было свойствомъ первоначальной общей Индо-Европейской рѣчи, утраченное другими, тогда какъ мы утратили богатство *временнаго спряженія*. На это есть указаніе въ Санскритскомъ и Греческомъ, а Нѣмецкое *ge-worden, ge-schutzt* есть то же качественное измѣненіе, но тамъ обломки. Я думаю, вы со мною согласитесь, и Германіи ученой будетъ любопытно сохраненіе этого живаго явленія въ организмѣ живаго языка. Господи! хотя бы мы свою грамматику поняли! Можетъ быть, мы бы поняли тогда хоть часть своей внутренней жизни, и то, что для насъ нѣтъ тѣхъ болѣзней, которыми страдаетъ Европа, а свои, и что вся система питанія, лѣченія и слѣдовательно общественной жизни должна быть своя. Много, много практической науки въ наукѣ отвлеченной. »

Этими словами Алексѣя Степановича заключаю я настоящее свое письмо. Въ нихъ выразилась мысль, одушевлявшая всю его ученую дѣятельность. Никто лучше его не сознавалъ, никто не цѣнилъ болѣе его, достоинство науки; но у него наука, даже такая сухая наука, какъ Филологія, связывалась съ жизнію; его умъ во всемъ проникалъ къ живому началу и все возводилъ въ живое органическое цѣлое.

А. Гильфердингъ.

ХОМЯКОВЪ

и

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

(Письмо къ М. П. Погодину, читанное, 6 Ноября, 1860, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности.)

Вы сообщили мнѣ о намѣреніи членовъ Общества Любителей Россійской Словесности посвятить чрезвычайное засѣданіе памяти покойнаго предсѣдателя Общества, Алексѣя Степановича Хомякова, чтобы, на первый разъ и впредь до будущей оцѣнки этого великаго дѣятеля въ области мысли и слова, намѣтить, хоть въ главныхъ чертахъ, предѣлы его многосторонней дѣятельности. Дѣйствительно, одному лицу трудно бы было обнять ее во всей полнотѣ. Ее нельзя опредѣлить извнѣ, заключивъ ее въ готовыя рамки какой-нибудь спеціальной области знанія; свѣтлый умъ его бросалъ лучи во всѣ стороны, и только когда собрано будетъ все, что онъ намъ оставилъ, раскроется внутреннее единство его, по-видимому безсвязныхъ, начинаній и обозначится строго выдержанная цѣльность его воззрѣнія. — Мнѣ вы поручили сообщить вамъ, что мнѣ извѣстно о взглядѣ его на современный вопросъ о крѣпостномъ состояніи. Предметъ этотъ, какъ вамъ извѣстно, занималъ его издавна. Онъ написалъ о немъ двѣ статьи, напечатанныя (кажется) въ Москвитянинѣ, въ 1842 году, и еще третью, дополнительную къ нимъ статью оставшуюся въ рукописи; потомъ, въ прошедшемъ году, онъ составилъ записку о выкупѣ крестьянами отведенныхъ имъ угодій, которая была имъ отправлена, безъ подписи, въ Петербургъ. Къ сожалѣнію, всего этого я не имѣю теперь подъ рукою;

приглашеніе Общества застало меня врасплохъ, и, по краткости времени, я вынужденъ ограничиться моими личными воспоминаніями и нѣсколькими выдержками изъ уцѣлѣвшихъ его писемъ.

Вы, конечно, помните, какое впечатлѣніе произвелъ на нашу публику указъ 1842-го года объ обязанныхъ крестьянахъ, во многихъ отношеніяхъ недостаточный, невыдержанный, и, къ сожалѣнію, оставшійся почти безъ примѣненія, но превосходно задуманный, какъ первый приступъ къ дѣлу. А. С. Хомяковъ, въ числѣ весьма немногихъ, встрѣтилъ его съ искреннею радостью, и, кажется, одинъ печатно заявилъ свое сочувствіе къ основной его мысли. Статьи, по этому случаю имъ написанныя, имѣли цѣлью успокоить встревоженное общественное мнѣніе, разогнать призраки, созданные безотчетнымъ страхомъ, и показать, что можно перейдти отъ личнаго полновластія и произвола къ добровольнымъ сдѣлкамъ, не потрясая коренныхъ основъ нашего сельско-хозяйственнаго быта. Устраняя вопросъ о правѣ на личность, онъ основывалъ будущій порядокъ вещей на чисто поземельныхъ отношеніяхъ между землевладѣльцемъ и сельскою общиною. Необходимость сохранить ея неприкосновенность, при всѣхъ будущихъ преобразованіяхъ, составляла одно изъ коренныхъ его убѣжденій. Онъ дорожилъ ею не только какъ самороднымъ произведеніемъ народной жизни, и какъ вѣрнѣйшимъ средствомъ застраховать право крестьянъ на землю отъ тѣхъ несчастныхъ и неизбѣжныхъ случайностей, которыхъ бы не вынесли разобщенныя личности, но еще болѣе какъ нравственною средою, въ которой лучшія черты народнаго характера спасались отъ заразительнаго вліянія крѣпостнаго права. Эта мысль, въ одномъ изъ его писемъ, выражена въ слѣдующихъ словахъ: «Чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ крестьянскій бытъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что *міръ для* Русскаго крестьянина есть какъ бы олицетвореніе его общественной совѣсти, передъ которою онъ выпрямляется духомъ; міръ поддерживаетъ въ немъ чувство свободы, сознаніе его нравственнаго достоинства, и всѣ высокія побужденія, отъ которыхъ мы ожидаемъ его возрожденія. Можно бы написать

легенду на слѣдующую тему: Русской человѣкъ, порознь взятый, не попадетъ въ рай, а цѣлой деревни нельзя не пустить. »

Статья А. С. Хомякова, о которой я упомянулъ выше, вызвала возраженіе, на которое онъ отвѣчалъ печатно; потомъ онъ изготовилъ еще статью, читанную мною въ рукописи, въ которой, между прочимъ, онъ доказывалъ, что цѣлымъ обществамъ легче пріобрѣсти землю въ собственность, чѣмъ отдѣльнымъ хозяевамъ; но эта статья, по причинамъ, какъ говорится, независящимъ отъ автора и отъ редакціи, не могла быть напечатана. Той же участи подверглось нѣсколько другихъ статей, доставленныхъ изъ разныхъ губерній: начавшійся, по поводу указа 1842 года, живой обмѣнъ мыслей, который, можетъ быть, остался бы не безъ пользы, по крайней мѣрѣ для постепеннаго ознакомленія общества съ великимъ вопросомъ, въ этомъ указѣ затронутомъ, прекратился на-долго.

Въ первой статьѣ своей, о добровольныхъ соглашеніяхъ, А. С. Хомяковъ допускалъ еще возможность сдѣлокъ, основанныхъ на обязательной для крестьянъ въ пользу помѣщика работѣ; по крайней мѣрѣ, онъ не высказывалъ въ ней положительно необходимости предоставить имъ право переходить на оброкъ. Впослѣдствіи, мнѣніе его объ этомъ предметѣ измѣнилось, или, можетъ быть, только рѣшительнѣе выразилось въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ письма, написаннаго имъ по поводу инвентарныхъ правилъ, изданныхъ въ 1849 году, для западныхъ нашихъ губерній: «Главный недостатокъ инвентарнаго положенія заключается въ томъ, что оно, по-видимому, опредѣляетъ окончательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, и не содержитъ въ себѣ никакого указанія на дальнѣйшее ихъ развитіе. Дѣятельность крестьянина заключена въ безвыходно-тѣсномъ кругѣ; ему даже не дано права требовать замѣна барщины оброкомъ; пусть бы лучше наложили высокій оброкъ, лишь бы крестьянинъ видѣлъ, что когда-нибудь да прекратится барщина. У насъ, на Руси, барщина, усовершенствованная и подведенная подъ строгія правила, не долго продержится съ упраздненіемъ помѣщичьяго полновластія. Германія, въ

этомъ случаѣ, намъ не указъ. Нашъ крестьянинъ терпѣливѣе Нѣмца вынесетъ грубый произволъ; но ему нужно больше простора, и онъ не поймегъ свободы въ кандалахъ, хотя бъ кандалы были законнаго вѣса и образцовой мѣрки.»

Вотъ еще отрывокъ изъ другаго письма къ одному изъ его пріятелей, который сообщилъ ему записку, составленную за три года до выхода перваго рескрипта: «Вы подробно изслѣдовали хозяйственную сторону вопроса, но вы мало обратили вниманія на его нравственную сторону. У насъ подъ рукою неисчерпаемый запасъ матерьяловъ для развитія темы, заброшенной кѣмъ-то изъ Французскихъ писателей: «L'esclavage déprave le maitre plus que l'esclave.» Обращеніе съ людьми, которыхъ нравственный судъ до насъ не доходитъ, пріучаетъ насъ жить спустя рукава; а внутреннее, хотя и затаенное, сознаніе нашей неправды передъ ними лишаетъ насъ всякой свободы суда надъ равными. Есть какая-то всеобщая стачка не проговариваться о томъ, что у всѣхъ на умѣ и *на сердцѣ*. *Отсюда* —застой мысли, дряблость воли, безплодность нашего негодованія, и это разсчетливое равнодушіе къ добру и злу, которое выноситъ все, кромѣ искренняго слова, затрогивающаго совѣсть.»

Первый Высочайшій Рескриптъ обрадовалъ Хомякова, какъ ранній благовѣстъ, возвѣщающій наступленіе дня, послѣ долгой, томительной ночи. Вы помните, какое множество оттѣнковъ обозначилось въ общественномъ мнѣніи, когда въ нестройномъ говорѣ, поднявшемся на всемъ протяженіи Русскаго царства, мало по малу начали выясняться понятія о характерѣ и объемѣ возвѣщенной реформы. Въ то время, какъ большинство видѣло въ ней не болѣе какъ смягченіе и ограниченіе крѣпостныхъ отношеній, Хомяковъ, изъ первыхъ, понялъ необходимость полнаго освобожденія крестьянъ и предоставленія имъ земли въ собственность посредствомъ выкупа. Теперь эта мысль никого не пугаетъ и ежедневно пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе поборниковъ; но на первыхъ порахъ многіе видѣли въ ней дерзкую мечту и посягательство на право собственности. Подъ вліяніемъ этихъ толковъ, составлена была А. С.

Хомяковымъ записка, которой главная задача заключалась въ раскрытіи несостоятельности безвыходно-обязательныхъ отношеній, въ оправданіи выкупа, какъ необходимой, окончательной развязки предпринятой реформы, и въ опроверженіи тѣхъ доводовъ, которые заявлялись противниками выкупа, безоговорочно принимавшими начала, изложенныя въ Высочайшемъ Рескриптѣ. Не вдаваясь въ изложеніе финансовыхъ средствъ, въ этой запискѣ указанныхъ, достаточно прибавить, что еще прежде, чѣмъ она была составлена, правительство признало *необходимость стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками, и сообразить, какіе способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій.* Составленный въ этихъ видахъ особый проэктъ теперь уже поступилъ на разсмотрѣніе высшаго правительства.

Остается сказать нѣсколько словъ о практической сторонѣ дѣятельности А. С. Хомякова, какъ помѣщика, владѣльца нѣсколькихъ населенныхъ имѣній въ разныхъ губерніяхъ. Сколько мнѣ извѣстно, онъ началъ управлять ими самъ въ ранней молодости, и съ перваго шага поставилъ себя въ прямыя, непосредственныя отношенія къ своимъ крестьянамъ. Онъ часто созывалъ мірскія сходки, выслушивалъ всѣ требованія и жалобы, дѣлалъ всѣ свои распоряженія гласно и открыто, и никогда не прятался за личностью своихъ повѣренныхъ, какъ дѣлаютъ это многіе, добрые помѣщики, которые сознаютъ всю тягость крѣпостныхъ отношеній и не рѣшаются принять на себя отвѣтственности за порядокъ вещей, которымъ сами пользуются. За нѣсколько лѣтъ до выхода Высочайшихъ Рескриптовъ, онъ приступилъ къ исполненію давнишней своей мысли, отмѣнить въ своихъ имѣніяхъ барщину и перевести крестьянъ на оброкъ. Онъ взялся за это дѣло не вдругъ и не сгоряча, не подъ вліяніемъ досады на хлопоты и непріятности, сопряженныя съ отбываніемъ барщины; но обдумавъ зрѣло всѣ послѣдствія, и не скрывая отъ себя трудностей, которыя онъ долженъ былъ встрѣтить. Ему хотѣлось, во первыхъ, чтобы новый, задуманный имъ, порядокъ осуще-

ствился не въ силу помѣщичьяго полноправія, а по обоюдному соглашенію съ крестьянами, и, во вторыхъ, чтобъ этотъ порядокъ оправдался въ своихъ послѣдствіяхъ не какъ милость, на которую нѣтъ ни образца, ни мѣры, а какъ вѣрный разсчетъ, выгодный для крестьянъ и вовсе не разорительный для владѣльца. Переговоры его съ крестьянами въ имѣніи, съ котораго онъ началъ, продолжались довольно долго; каждый пунктъ предложенныхъ имъ условій обсуждался на сходкахъ, и нѣкоторые изъ нихъ были измѣнены, по требованію крестьянъ; по окончательномъ утвержденіи всѣхъ статей, положено было, въ случаѣ споровъ и недоразумѣній, обращаться къ третейскому разбирательству. Черезъ два года, крестьяне другой деревни, принадлежащей Хомякову, сами, при мнѣ, приходили просить его, чтобъ онъ и ихъ перевелъ на то же положеніе, и, если я не ошибаюсь, теперь уже во всѣхъ, или почти во всѣхъ, имѣніяхъ его барщина замѣнена оброкомъ.

Вотъ все, что я могъ собрать на-скоро, въ короткое время, въ отвѣтъ на заданный мнѣ вопросъ...

Въ числѣ немногихъ, собравшихся въ Даниловомъ монастырѣ въ день похоронъ, вы, конечно, замѣтили крестьянина въ дубленомъ тулупѣ, который не спускалъ глазъ съ заключеннаго гроба и обливался горючими слезами. Эти слезы краснорѣчивѣе всякаго надгробнаго слова.

Ю. Самаринъ.

О СУДЬБѢ УБѢЖДЕНІЙ.

ПО ПОВОДУ СМЕРТИ

А. С. ХОМЯКОВА,

(Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, 6 Ноября, 1860 г.)

Мм. Гг! Г. временный предсѣдатель, въ рѣчи своей, по поводу нашей утраты, затронулъ вопросъ, внѣ предѣловъ простаго личнаго воспоминанья. Въ недавней потерѣ онъ указалъ намъ отраженье общей судьбы, какъ-будто писанной нашему времени. Онъ напомнилъ намъ странный фактъ, уже переставшій казаться страннымъ,—такъ онъ сдѣлался обыкновеннымъ: лучшіе наши дѣятели уносятся преждевременно, въ цвѣтѣ лѣтъ, въ полнотѣ силъ, мало того,—уносятся въ ту минуту, когда именно и наступаетъ для нихъ зрѣлая пора, когда кончается процессъ внутренняго развитія и только что открывается настоящая общественная дѣятельность.

Фактъ знаменательный! Имъ поразился еще Гоголь, впослѣдствіи самъ испытавшій ту же участь. Кончина первоклассныхъ нашихъ поэтовъ, не только неожиданная, но насильственная въ полнѣйшемъ смыслѣ, внушила ему мысль искать въ этомъ обстоятельствѣ даже особый, такъ сказать, ниспосылаемый нравственный урокъ,—что-то чрезвычайное, самою чрезвычайностію долженствующее поражать современниковъ. « Три первыхъ поэта »—восклицаетъ онъ въ одномъ

изъ извѣстныхъ своихъ писемъ: «Пушкинъ, Грибоѣдовъ и Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣхъ, были похищены насильственною смертію, въ порѣ самаго цвѣтущаго мужества, въ полномъ развитіи силъ своихъ, и никого это не поразило! Даже не содрогнулось вѣтреное племя!»

Нравственное значеніе въ этомъ фактѣ, конечно, есть, какъ и во всякомъ житейскомъ обстоятельствѣ, какъ во всякомъ даже явленіи природы. Но попробуемъ взглянуть на него съ физіологической точки зрѣнія. Намъ кажется, что глубина значенія скрывается здѣсь не въ чрезвычайности факта, а, напротивъ, въ его естественности, въ томъ именно самомъ, что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго.

Что это, въ самомъ дѣлѣ—чистая случайность? Но случай, однообразно повторяющійся, перестаетъ быть случаемъ даже для обыкновеннаго воззрѣнія, признающаго существованіе случая вообще. Статистикъ изъ суммы отдѣльныхъ случаевъ выводитъ среднія цифры и записываетъ: что врачи повсюду пользуются сравнительно меньшимъ долголѣтіемъ, чѣмъ поселяне; что въ младенческомъ возрастѣ вообще людей умираетъ всего болѣе, въ среднихъ лѣтахъ всего менѣе; что изъ странъ—Алжиръ представляетъ пропорціонально втрое большую смертность, чѣмъ Швеція, а Австрія на третью долю больше, чѣмъ Англія, и на четвертую меньше, чѣмъ Россія; что въ Индіи, между Европейцами, бываетъ смертность втрое сильнѣйшая, чѣмъ между туземцами, а въ Америкѣ и на Тихомъ океанѣ, наоборотъ, туземное населеніе не только умираетъ въ большемъ количествѣ противъ Европейскаго, но исчезаетъ *совершенно, помимо всякихъ насильственныхъ мѣръ*, какъ бы таетъ отъ одного соприкосновенія съ цивилизующею колонизаціею. Предположимъ, какъ и бываетъ, что эти и подобные имъ выводы, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и даже десятилѣтій, безпощадно повторяются одни и тѣ же. Тогда и обыкновенное воззрѣніе *согласится, что хотя* каждый фактъ, взятый въ отдѣльности, и былъ случаемъ, словомъ—обстоятельствомъ, которое могло быть и не быть, но что вся сложность ихъ или цѣлая группа представляетъ *законъ*; что существуютъ нѣкоторыя постоянныя причины, вслѣдствіе ко-

торыхъ общая, всѣмъ прирожденная необходимость умирать, опредѣляется для извѣстной страны, возраста, образа жизни, происхожденія и т. под., болѣе частнымъ образомъ, какъ необходимость смертности въ томъ именно, а не другомъ количествѣ. Такимъ образомъ, обыкновенное воззрѣніе отказывается, на этотъ разъ, отъ своего понятія о случайности, и оставляетъ его только для мелочи обстоятельствъ, которыми отличается каждое отдѣльное явленіе отъ другихъ сродныхъ.

Но станемъ немного выше обыкновеннаго воззрѣнія,—намъ придется ограничить понятіе случайности даже въ приложеніи къ отдѣльному явленію. Такой-то NN умеръ, говорятъ, случайно: онъ выѣхалъ, а вѣтеръ былъ сѣверовосточный; онъ не остерегся, не запахнулся, и схватилъ pleuritis. Если бы не это случайное обстоятельство, все прошло бы благополучно. Но, однако, это обстоятельство было: онъ выѣхалъ, и при сѣверовосточномъ вѣтрѣ, и не запахнулся? Слѣдовательно, причина смерти была дана,—то не правда ли, и послѣдствіе, т. е., смерть должна была произойти неизбѣжно? Да, говорятъ, не подвернулся тутъ хорошій докторъ; если бъ онъ случился, болѣзнь была бы прервана, и несчастіе не совершилось. Но, однако, это *если* не существовало, и слѣдовательно, опять, должно же было произойти то, что произошло. И такъ далѣе, и такъ далѣе, чѣмъ болѣе мы входили бы въ подробности явленія, тѣмъ болѣе находили бы основаній признать его неизбѣжнымъ; и если бъ мы перебрали всю безчисленную мелочь самихъ обстоятельствъ, отъ которыхъ оно зависѣло, мы увидѣли бъ, что каждое изъ нихъ само, опять, связано было совокупностію условій, вслѣдствіе которыхъ каждое было такъ, а не иначе, потому что должно было быть такъ, и не могло быть иначе. Когда открылась бы намъ исторія организма, до малѣйшихъ подробностей, отъ самаго зарожденія и далѣе, въ каждый моментъ жизни: когда бы прослѣдили мы, какъ, подъ взаимнымъ вліяніемъ наслѣдственныхъ стихій и внѣшней среды, сообразно со степенью ихъ взаимной упругости, въ общей, однако, покорности ихъ высшему закону природы, образовывалось такое, а не другое строеніе организма, съ тѣми, а не другими развѣтвленіями тончайшихъ сосудовъ; когда бъ

уловили мы потомъ, какъ, подъ вліяніемъ особенности въ строеніи организма, развивалась особенность въ питаніи и во впечатлительности, а за тѣмъ, и во всей возвратной физической и духовной дѣятельности; какъ, потомъ, самая дѣятельность воздѣйствовала, въ свою очередь, частію на среду, *измѣняя, иногда и покоряя ее*, частію *на организмъ*, поддерживая, истощая, или даже перестроивая, частію на-себя саму, рождая привычку, опредѣляя свое будущее направленіе; когда бъ мы все это видѣли, или, точнѣе сказать, могли видѣть,—тогда открылось бы намъ, что были свои *необходимыя условія даже для такого обстоятельства*, что въ данную минуту двигательный нервъ бездѣйствовалъ, мускулъ не сжался и рука не поднялась запахнуть грудь, угрожаемую вѣтромъ. Словомъ, оказалось бы, что ничто въ мірѣ не приходитъ внезапно, также какъ и не уходитъ *даромъ*, и потому самому ничто *не внезапно, что ничто не даромъ*; слѣдовательно, ничто не случайно, ниже самая одинокая дробь самаго отдѣльнаго явленія, и потому именно опять, что, строго говоря, никакая дробь не одинока и никакое явленіе не отдѣльно.

Но гдѣ же свобода? спросятъ меня. — Но гдѣ же и основаніе предполагать, что міръ внѣшне-являемаго есть міръ свободы? Всякое явленіе имѣетъ предѣлъ, всякій предѣлъ предполагаетъ ограниченіе: гдѣ же тутъ свобода? Что можетъ быть свободнѣе мысли? Но чтобъ явиться, мысль нуждается въ словѣ; а размѣръ слова ограниченъ, и само оно есть результатъ постепеннаго движенія. Мысль даже для того, чтобы возникнуть опредѣленно, имѣетъ нужду въ предварительномъ опытѣ; а опытъ подчиненъ закону постепенности. Не разумнѣе ли сказать, что свободѣ принадлежитъ не самое явленіе, какъ явленіе, а его самовмѣненіе, признаніе его своимъ, направленіе къ нему своего изволенія? Да и здѣсь, возможность отрицанія—неодобреніе и сожалѣніе, относимое къ *собственнымъ моимъ поступкамъ*,—не служитъ это свидѣтельствомъ, что даже въ этой области свобода бываетъ безсильна? И наконецъ, не случается ли, что самое это признаніе своимъ и не своимъ, самое даже это самовмѣненіе бываетъ призрачнымъ: то, что признавали мы своимъ, черезъ часъ считаемъ

не болѣе какъ стихійнымъ требованіемъ, обманувшимъ насъ самихъ. Не показываетъ ли это, что свобода, въ самомъ корнѣ своемъ, какъ бы подрыта и задавлена? И если есть сила, которая бы могла возстановить ее, то не должна ли и она, въ силу самаго существа вещи, вступить въ тотъ же міръ явленій, и слѣдовательно подчиниться то же условіямъ постепенности и взаимности?

И такъ, въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, въ цѣломъ ходѣ, какъ и мелкихъ подробностяхъ, во всей являемой жизни случайности нѣтъ и быть не можетъ. То, что мы называемъ случаемъ, есть не болѣе какъ математическій x, простой указатель величины, несомнѣнно существующей, но покамѣстъ не опредѣленной. Это — одно изъ словъ, которыя придумало человѣчество, въ удовлетвореніе неотразимому требованію причинности: причину указать нужно, а между тѣмъ явленіе такъ единично, и причинъ столпилось совокупно такое множество, что ни въ единичности явленія не откроешь общаго, ни во множествѣ причинъ не найдешь единства. Но это—только близорукость зрѣнія, а частію и свидѣтельство несущественности самаго міра явленій. Въ строгомъ смыслѣ, случайно только то, что не предопредѣлено разумно. Въ этомъ смыслѣ, если угодно, всѣ явленія будутъ случайны, поколику ни одно изъ нихъ само не предшествуетъ себѣ, какъ идея въ своей непосредственной причинѣ. Но, при сколько-нибудь послѣдовательномъ размышленіи, должны же будемъ предположить, поверхъ слѣпыхъ частныхъ причинъ, высшую разумную причину, а слѣдовательно и отвергнуть первоначальное предположеніе о случайности. Наконецъ, въ томъ же смыслѣ, зло случайно, ибо оно есть даже прямое противорѣчіе идеѣ; и оно, дѣйствительно, есть единственно случайное. Но и здѣсь, не можемъ не признать, что, разъ явясь случайно, должно же оно, въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ, подвергнуться всей неумолимости закона послѣдовательности и взаимодѣйствія, которому вообще подчиненъ міръ явленій.

Какъ бы то ни было, но предъ нами явленіе постоянное; слѣдовательно, и причины для него существуютъ постоянныя. Извѣстнаго рода дѣятельность у насъ прекращается прежде-

временно: не свершивъ пути, она прерывается смертію дѣятелей; или же вдругъ становится въ тупикъ, сворачиваетъ въ сторону, какъ видимъ это въ Гоголѣ, и также опять кончается смертію дѣятеля. И это не вчера или сегодня, а постоянно. Отвѣтъ ясенъ: стало быть, такіе люди намъ не нужны, говоря телеологически. Или, переведя это на языкъ простой причинности: стало быть, нѣтъ полныхъ жизненныхъ условій для такой дѣятельности. Остается указать: чѣмъ же эти дѣятели провинились предъ нами, или чего недостаетъ въ нашей жизни для ихъ дѣятельности?

Не виноватъ ли здѣсь самый родъ дѣятельности,—не противенъ ли онъ законнымъ историческимъ стихіямъ народа, или всѣмъ физіологическимъ его условіямъ? Трудно было бы ожидать, въ самомъ дѣлѣ, особеннаго процвѣтанія музыки въ Англіи, или философіи въ Турціи. Но мы теряемъ ученыхъ, какъ и литераторовъ, музыкантовъ, какъ и живописцевъ.—Погибаютъ ли у насъ, по крайней мѣрѣ, относительно легкіе таланты, — можетъ быть, заслоняется ихъ личная дѣятельность другою, болѣе сильною? Въ тѣни дуба, неудобно расти мелкому кустарнику.—Напротивъ, не спорится у насъ именно дѣятелямъ крупныхъ размѣровъ, а посредственность процвѣтаетъ. А родятся, однако, и выростаютъ у насъ сильные таланты по всѣмъ родамъ, не въ примѣръ другимъ странамъ, часто. Давно замѣчено, что въ литературѣ у насъ художниковъ даже болѣе, чѣмъ беллетристовъ. И это при всей ограниченности размѣровъ, съ какой, относительно къ массѣ народонаселенія, распространено образованіе, сравнительно съ другими странами! Стало быть, почва здорова, есть откуда тянуть жизненные соки; стало быть, бѣда собственно въ атмосферѣ, неблагопріятна среда, въ которой долженъ развернуться цвѣтъ.—Что жъ, не служитъ ли помѣхою временное, одностороннее настроеніе общества? Одинъ сильный интересъ охватилъ цѣлый край, и нѣтъ простора другой дѣятельности? Въ минуту разгара реформаціи, не могла бы, напримѣръ, имѣть успѣха дѣятельность поэтическая или ученая, безъ отношенія къ тогдашнему религіозному движенію. — Но я желалъ бы, чтобы мнѣ указали: какой же интересъ, и притомъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ, владѣетъ нашимъ об-

ществомъ. Я желалъ бы, чтобы мнѣ указали хоть воззрѣніе, котораго бы у насъ крѣпко держались; указали бы даже просто какое-нибудь воззрѣніе, назвали хоть какой-нибудь общій образъ мыслей! Замѣчательно, напротивъ, что печальная участь тѣхъ-то и постигаетъ, въ комъ слышенъ общій интересъ, кто имѣетъ воззрѣніе, кто проводитъ въ общество образъ мыслей. Въ этомъ собственно и сходятся наши, рано погибающіе, дѣятели; это и есть ихъ существенная черта: ихъ дѣятельность—духовная, высоко-нравственная, дѣятельность, въ которой всѣ силы души съ глубокаго стихійнаго дна собираются и полымаются въ сознаніе, чтобы перейти потомъ опять со всею силою въ жизнь, при посредствѣ движущей личной энергіи; однимъ словомъ—дѣятельность убѣжденія. Въ остальномъ выступаетъ разница и даже противоположность. — И такъ, ужели мы положительно безнравственны, имѣемъ прямое отвращеніе ко всему честному, окончательно погрязли въ грубо матеріальные интересы?—Нельзя сказать и того. Мы любимъ науку и искусство, сочувствуемъ талантамъ, рукоплещемъ ихъ успѣхамъ, плачемъ о потеряхъ, много говоримъ о долгѣ и чести, проникаемся негодованіемъ противъ общественной безнравственности; хотя, правда, и не прочь, при всемъ этомъ, показать, что вотъ мы отличаемъ честное отъ безчестнаго, и знаемъ, что цѣнить и чего отвращаться.

Мнѣ кажется, пока мы разбирали фактъ, болѣзнь, которая служитъ ему причиной, уже названа. Въ томъ-то и дѣло, что въ насъ нѣтъ ни того, ни другаго, ни этого: нѣтъ духовной полноты и искренности,—какое-то полузнаніе, полупевѣжество, получестность, полубезчестность, полумысль, полусонъ, полусочувствіе, полуравнодушіе, однимъ словомъ —бездушіе. Прямая безнравственность, какъ всякое крайнее отрицаніе, способна возбуждать, по крайней мѣрѣ, противодѣйствіе и тѣмъ оживлять хотя косвенно. А у насъ едва ли не простая апатія, съ наружными признаками одушевленія. Нравственный воздухъ на столько рѣдокъ, что дышать можно, но кровь достаточно не окисляется; говорить можно, но слышатъ только ближайшіе, дальніе ряды схватываютъ лишь звуки, ловятъ одни внѣшнія движенія и на нихъ успокоиваются.

Предоставляю, мм. гг., повѣрить мое замѣчаніе собственными вашими наблюденіями надъ состояніемъ нашей литературы и такъ называемой мыслящей части общества вообще: надѣюсь, никто изъ васъ не упрекнетъ меня въ преувеличеніи. Предлагаю припомнить вамъ общія жалобы на недостатокъ серьезнаго труда въ образованномъ поколѣніи, на господство фразъ и скудость мыслей. Предлагаю припомнить столь же, къ сожалѣнію, общее и не менѣе постыдное явленіе, которое можетъ быть названо поискомъ за убѣжденіями. Убѣжденій ищутъ, какъ будто убѣжденія такая вещь, которую можно поднять на полу и положить въ карманъ. Новые органы мысли открываются не съ тѣмъ, чтобы высказать извѣстныя убѣжденія, а извѣстныя убѣжденія принимаются и высказываются, потому что сочтено нужнымъ открыть новый органъ мысли! Сообразно съ этимъ, не правда ли, что низко упало у насъ и самое понятіе объ убѣжденіи? Не правда ли, что слово убѣжденіе за-частую принимается у насъ для обозначенія простой искренности и отличенія ея отъ лжи: такъ мало ожиданія и привычки у насъ, чтобъ говорили даже простую правду! А много, много,—и это самое высшее, до чего доходятъ у насъ такъ называемыя убѣжденія,—когда бываютъ хотя честныя увлеченія, то есть, такого рода духовное состояніе, которое кажется выраженіемъ всей жизненной цѣлости, но въ сущности захватываетъ только одинъ моментъ ея, отдавая послѣдующій совершенно противоположному, столь же призрачно жизненному состоянію! Сколь не много найдется у насъ людей, которыхъ можно было бы даже увѣрить, что увлеченіе такъ же далеко отъ убѣжденія, какъ минутная прихоть отъ истинной привязанности; что увлеченіе и въ самомъ существѣ своемъ неразумно, и въ дѣйствіи своемъ вредно для общества; что оно хорошо въ актерѣ, который дѣйствуетъ формальною истиною искуственнаго положенія, а не въ дѣятелѣ, назначеніе котораго служить обществу прямою истиною своего слова и поступка. Сколь многимъ еще у насъ,—да и не всѣмъ ли почти, наконецъ?—это призрачное состояніе, эта несомнѣнно суетящая дѣятельность представляется даже едва ли не высшимъ духовнымъ проявленіемъ, благороднѣйшимъ выраженіемъ человѣческаго достоинства!

При такихъ условіяхъ, можно ли ждать, чтобъ разрослись у насъ убѣжденія глубокія, сильныя, постоянныя, однимъ словомъ—истинныя? Никто не скажетъ, чтобъ растеніе могло жить въ безвоздушномъ пространствѣ, хотя и назначено само оно своею жизнію дѣйствовать на воздухъ. Ему нужна приличная атмосфера столько же, сколько и доброе сѣмя, и годная почва. Этотъ законъ круговой поруки выдерживается во всей органической жизни; сила его чувствуется и въ области духовно-органической, въ жизни общественной. О бытѣ матеріальномъ уже признано, что личное довольство сколько содѣйствуетъ общественному, столько жъ взаимно отъ него и зависитъ. Не то же ли должно быть и въ другихъ, высшихъ областяхъ жизни? Нѣтъ сомнѣнія, что сильная дѣятельность личнаго убѣжденія сама призвана двигать поколѣніями. Скажу болѣе: нѣтъ сомнѣнія, что каждое личное проявленіе, слабое, какъ и сильное, все равно,—каждое движеніе, каждый отдѣльный вздохъ иль радостная слеза, скоро или медленно, прямо или косвенно, посредственно иль непосредственно, непремѣнно, однако, разносятся своимъ дѣйствіемъ по всему обществу, разлагаясь каждое на безчисленныя, милліонно-малыя доли, но образуя въ совокупности страшную силу—общественный духъ. Но столь же несомнѣнно, что этотъ самый всесовокупный духъ, это всецѣлое общественное настроеніе, нравственное и умственное, должны тѣмъ съ большею силою, по вѣчно присущему всѣмъ явленіямъ закону отраженія, воздѣйствовать на личную дѣятельность, возбуждать ее, усиливать, ослаблять иль даже убивать въ зародышѣ.

Когда въ полночный часъ Свѣтлаго Воскресенья загудитъ въ Москвѣ торжественный звонъ; улицы наполнятся оживленнымъ народомъ; на всѣхъ лицахъ явится особенное, свѣтлое выраженіе; послышатся всюду радостныя восклицанія и привѣтствія; все сливается въ одно торжественное чувство,—мнѣ часто, въ эти минуты, приходитъ на мысль положеніе людей, которые, такъ или иначе, отрѣшились отъ народныхъ преданій, которымъ живые обычаи представляются пустою церемоніею, словомъ, для которыхъ связь съ народною жизнію и ея вѣрованіями совер-

шенно порвана — Что они дѣлаютъ, что они думаютъ? Продолжаютъ ли они, въ этотъ день, вести свои обыкновенныя *дѣла, обыкновеннымъ порядкомъ?* — *Но это* невозможно, при всеобщемъ разстройствѣ будничной житейской машины. Стараются ли они искуственно войти во всеобщее, имъ однако чуждое, настроеніе?—Но это крайне тяжело и неловко, при сознаніи своей неискренности, своего внутренняго противорѣчія, и для честнаго человѣка невыносимо. Остаются ли они спокойными, холодными, можетъ быть нѣсколько насмѣшливыми зрителями общаго движенія?—Но чувство нравственнаго одиночества томительно. Думаю скорѣе, что, на этотъ разъ, въ душу ихъ закрадывается скука и нѣкоторое озлобленіе: это будетъ логичнѣе, и самъ нравственный законъ выдерживается вѣрнѣе. Противонравственное отчужденіе отъ общаго единства должно разрѣшиться въ противонравственное же чувство озлобленія, и, въ этомъ самомъ озлобленіи, понести для себя и нравственное возмездіе.

Предположимъ и *обратный случай, когда вздумалъ бы* кто сказать задушевное и разумное слово толпѣ, гдѣ царствуетъ разноголосица и безтолковая суетливость. Вы предполагаете обратиться къ цѣльному обществу, а встрѣчаете итогъ разрозненныхъ личностей; думаете обмѣняться словомъ, а кругомъ васъ *безсмысленныя лица, безсвязныя рѣчи*..

Въ томъ и другомъ случаѣ, послѣдствіе, кажется, одинаково. Сколько-нибудь продолженное состояніе подобнаго духовнаго одиночества невозможно. Скоро, либо среда затянетъ одинокую личность,—въ свою жизненность, или въ свою безжизненность, все равно,—*либо*, когда натура крѣпка, она сломится предъ средою окончательно. Долгая дѣятельность для нея, во всякомъ случаѣ, немыслима. Не то же ли и въ болѣе обширной средѣ, съ болѣе обширною дѣятельностію? Страшно-громадная личность нужна, чтобы одолѣть *всенародный сонъ, или усыпить всенародное вниманіе.* Но и та не является, обыкновенно, безъ историческихъ подготовленій.

Я не намѣренъ останавливаться долѣе на этихъ общихъ соображеніяхъ. Полагаю, что законъ общественнаго взаимодѣйствія, самъ по себѣ, понятенъ каждому. Но не могу

не договорить, что, съ указанной точки зрѣнія, судьба убѣжденій нашего покойнаго предсѣдателя стоитъ особеннаго вниманія.

Давно тому назадъ, не помню кто, едва ли не Гакстгаузенъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о Россіи, подводилъ воззрѣнія Хомякова къ слѣдующему положенію: «Греція призвана была проявить красоту, Римъ—силу, новая Европа—разсудокъ. Будущая эпоха должна осуществить любовь, и къ осуществленію ея призваны народы Славянскіе». Если бъ спросили меня, какъ вкратцѣ выразить воззрѣнія Хомякова, я бы отвѣчалъ однимъ словомъ: *любовь*. Любовь—это, дѣйствительно, первое и послѣднее слово, къ которому сводились всѣ его убѣжденія. Въ любви Хомяковъ признавалъ не только высшее начало дѣятельности въ практическомъ смыслѣ, но и высшее начало знанія, единственное твердое обезпеченіе истины. Изъ сказаннаго другими въ настоящемъ засѣданіи вы отчасти прослѣдите сами, мм. гг., проявленіе этой главной идеи въ дѣятельности Хомякова общественной, художественной и ученой. На сколько выказалась она въ его образѣ мыслей и дѣятельности, по крестьянскому вопросу, понятно безъ поясненія. Дѣло освобожденія само есть дѣло любви, и не можетъ быть иначе понимаемо. Но вспомните его стихотворенія: въ какомъ онъ не обращается къ этому чувству, къ этой заповѣди, къ этому началу, назовите какъ хотите. Во всѣхъ онъ зоветъ къ братству, къ духовному сліянію, и не во имя вражды къ чему нибудь, не для противостанія кому-нибудь, но единственно, ради самаго братства, ради животворной силы духовнаго сліянія, не болѣе и не менѣе,—чтобы соединить, если возможно, и всѣхъ людей, и всѣ народы въ этотъ живой нравственный узелъ. Къ любви онъ обращается за утѣшеніями, какъ и за укоризнами; въ любви же указываетъ цѣль подвигу, отвращая высокомѣрныя мысли и сокрушительные замыслы. Выше любви онъ не находитъ призванія горячо любимой родинѣ. Тѣмъ самимъ, кому пророчитъ паденіе, онъ предсказываетъ кару именно за нарушеніе закона братства, за отступленіе отъ любви. Словомъ, любовь есть высшій подвигъ, какъ и высшая радость, есть высшая сила, есть— все.

Понятно отсѣлѣ, почему, въ историческихъ своихъ убѣжденіяхъ, Хомяковъ примкнулъ къ школѣ такъ называемой славянофильской: ея воззрѣнія строились на замѣчательномъ фактѣ, что государство началось у насъ не завоеваніемъ, какъ повсюду, а добровольнымъ призваніемъ власти, и что, въ дальнѣйшемъ ходѣ, основою къ историческому развитію служила у насъ не вражда сословій, какъ на Западѣ. Хомяковъ здѣсь долженъ былъ видѣть жизненное проявленіе признаваемаго имъ начала. А отсюда, какое поле представляется для новой постановки соціальныхъ вопросовъ, независимой отъ идеи раздора, которая, по необходимости, присуща западному уму при сужденіи о государствѣ и общественныхъ отношеніяхъ! При взглядѣ на историческое существованіе отношеній мирныхъ, основанныхъ на любви, не воздвигается ли само собою понятіе объ обществѣ, какъ единицѣ живой, органической, а не отвлеченной, внѣшней, условной, и не измѣняются ли этимъ самымъ обычныя старыя построенія, со всѣми ихъ послѣдствіями? А отсюда, какое прямое указаніе на существенное значеніе единоплеменности и единовѣрности, и какой близкій для Хомякова переходъ къ славянофильству въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, къ особенной любви его къ Славянамъ! А отселѣ понятно и то, почему Хомяковъ столько дорожилъ Русскою общиною: въ ней видѣлъ онъ бытовое явленіе не только коренное Славянское, но именно то, въ которомъ обезпечивается свобода любовью.

Не боясь показаться слишкомъ утонченнымъ, скажу, что даже теоретическія воззрѣнія Хомякова на искусство, даже его соображенія философскія, и, наконецъ, самые взгляды филологическіе, стояли не внѣ зависимости отъ его главной идеи. Я бы назвалъ, что все это—отраженіе начала любви въ области отвлеченнаго мышленія. Существенное значеніе любви то, что она есть связь живая, духовная, цѣлостная. Кто убѣжденъ въ такомъ началѣ для жизни, не естественно ли тому искать соотвѣтствующихъ законовъ и въ мірѣ отрѣшенномъ? По крайней мѣрѣ, знаю людей, которые, наоборотъ, отъ живыхъ началъ въ отрѣшенной мысли пришли къ признанію любви, какъ начала соціальнаго, видя въ послѣдней существенное отраженіе и необходимое допол-

неніе первыхъ; сошлись, такимъ образомъ, съ Хомяковымъ, независимо отъ его возрѣній, и идя обратною дорогою. Какъ бы то ни было, Хомяковъ и въ теоретической области повсюду искалъ именно живаго, духовнаго и цѣлостнаго. Съ этой точки, во время господства крайнихъ теорій объ односторонней объективности въ искусствѣ, высказалъ онъ свои мысли о необходимой связи художника съ своимъ произведеніемъ. Въ силу того самаго, съ другомъ своимъ Кирѣевскимъ, въ философской области возставалъ онъ противъ односторонности исключительнаго логическаго направленія, и требовалъ признанія правъ цѣльному разуму; а тѣмъ съ большею вѣрностію главной идеѣ,—и это собственно была уже его мысль,—искалъ онъ и въ отрѣшенномъ мірѣ утвердить болѣе живое, *волящее* начало: въ признаніи безвольной мысли за верховное начало онъ и видѣлъ главнѣйшій недостатокъ Нѣмецкой философіи. Слышанное вами письмо г. Гильфердинга показываетъ, съ какою послѣдовательностію и полнотою переносилъ Хомяковъ тѣ же стремленія къ живому, духовному, цѣлостному и въ область своихъ филологическихъ занятій.

Я умолчалъ бы о самомъ существенномъ, когда бы не сказалъ, что глубочайшею основою, на которой коренилось убѣжденіе во всеобъемлющемъ началѣ любви, служили для Хомякова убѣжденія религіозныя; самою сферою, гдѣ осуществляется это начало, онъ признавалъ именно церковь, въ смыслѣ который сейчасъ объясню. На счастливомъ совпаденіи православной вѣры съ общиннымъ устройствомъ въ Русскомъ народѣ Хомяковъ и основывалъ свое чаяніе о великомъ историческомъ призваніи своей родины. Въ вѣрности церковному духу, онъ и видѣлъ существенный, если не единственный залогъ ея преуспѣянія. Внѣ общенія съ церковію онъ отрицалъ всякую полноту жизни нравственной и даже умственной. Надѣюсь, что предшествовавшимъ изложеніемъ я не подалъ на только поводовъ къ недоразумѣнію, чтобы кто могъ предполагать, будто Хомяковъ находилъ условіе жизни собственно въ какихъ-нибудь положеніяхъ, принимаемыхъ изъ уваженія къ авторитету, отвлеченно, съ полною увѣренностію, притомъ, въ неспособности ихъ къ дальнѣйшему

развитію. Такая мысль была бы прямо противоположна его воззрѣніямъ. Церковь есть высшее, возможное на землѣ, осуществленіе начала любви: а въ любви, какъ сказалъ я, Хомяковъ поставлялъ не только высшее начало дѣятельности въ тѣсномъ смыслѣ, но и единственное начало живаго, цѣльнаго и твердаго знанія: надѣюсь, этимъ все сказано. Нравственный вопросъ Хомяковъ постоянно выдвигалъ впередъ, все остальное бралъ уже какъ необходимое дополненіе иль слѣдствіе. Такимъ образомъ, по его понятіямъ, выходъ изъ церковнаго единства, то есть, изъ церковной любви, необходимо разрушаетъ цѣльность духовнаго бытія, какъ потому, что нравственное бытіе, само по себѣ, составляетъ существенную сторону духовности человѣка, такъ и потому, что заключаетъ въ себѣ почти корень всему. Между тѣмъ, пребываніе въ церковномъ общеніи не только не мѣшаетъ развитію, напротивъ только помогаетъ, взаимнымъ восполненіемъ, личной ограниченности, какъ въ сферѣ жизни, такъ и знанія. Самое признаніе церковныхъ истинъ перестаетъ быть отвлеченнымъ признаніемъ: оно является живымъ взаимосоглашеніемъ знанія. Самый авторитетъ, при этомъ, перестаетъ быть авторитетомъ, хотя и остается имъ. Возможно полное знаніе истины дано только всеобщей равноправности, и единодушная любовь есть его мѣрило: авторитетъ есть только выраженіе этой всеобщности, и самъ является только служеніемъ этой любви.—На этихъ простыхъ умозаключеніяхъ держались всѣ воззрѣнія Хомякова, бытовыя, историческія, философскія. На нихъ опирались его извѣстныя мысли о ходѣ жизни и просвѣщенія въ Европѣ. Отсюда истекали его требованія новой постановки философскихъ вопросовъ, и сознаніе неудовлетворительности Европейскихъ системъ. Въ одностороннемъ ходѣ жизни и просвѣщенія въ Европѣ онъ видѣлъ естественное слѣдствіе ея церковнаго отпаденія. Наоборотъ, если замѣчалъ гдѣ-нибудь полноту духовнаго проявленія, онъ не упускалъ это объяснять всегда болѣе или менѣе близкимъ вліяніемъ церкви. Увѣренность во всеотзывающемся вліяніи церковныхъ началъ Хомяковъ проводилъ столь послѣдовательно, что даже въ такомъ обстоятельствѣ, какова послѣдняя война, онъ находилъ отраженіе

мысли, положенной въ исторію церковнымъ отпаденіемъ Европейскихъ народовъ.

Хомяковъ не таилъ отъ себя и отъ другихъ, что народы, оставшіеся исторически вѣрными церкви, сами стоятъ на крайней низкой степени развитія. «Я знаю», писалъ онъ, обращаясь къ западному міру, «вы можете требовать отъ насъ строгаго отчета въ плодахъ, которые должна бы истина принести народамъ, ее хранящимъ, въ плодахъ, которыхъ должно бы ожидать отъ нашей признательности, и которые отвергнуты нашею неблагодарностію. Мы не станемъ оправдываться. Не будемъ говорить ни о борьбахъ и страданіяхъ нашей исторіи, ни о лжи образованія, почерпаемаго болѣе нежели столѣтіе изъ источниковъ нечистыхъ. Все это насъ не оправдываетъ. Каковы бы ни были ваши обвиненія, допускаемъ ихъ справедливость; въ какихъ бы порокахъ вы насъ ни упрекали, не отрицаемся: сознаемся въ нихъ со смиреніемъ, со скорбію, съ горечью.» Но этимъ, въ глазахъ Хомякова, нисколько не уменьшалась сила заключенія, что блестящее развитіе Европы все-таки односторонне, и что полнота развитія возможна все-таки только тамъ, гдѣ сохранено для него начало. Можетъ быть жизнь,—скажемъ его словами,—при всѣхъ признакахъ смерти; и можетъ быть смерть при всей кажущейся жизни. Будущее только тамъ, гдѣ церковь.

Понятно, что, давая религіознымъ началамъ столь важное значеніе, Хомяковъ долженъ былъ углубляться въ нихъ особенно настойчивымъ вниманіемъ. Дѣйствительно, три богословскія брошюры его представляютъ особенную выдержанность и законченность. Основное положеніе, повторяясь во всѣхъ трехъ, является даже какъ бы отлитымъ въ стереотипную форму, недопускающую прибавленій или измѣненій. Понятно, съ другой стороны, что, вѣрный коренному направленію, Хомяковъ обратился въ этой области не къ сухой переборкѣ отвлеченныхъ положеній, къ чему и безъ него и до него много сдѣлано уже другими, но старался проникнуть въ духъ церковной жизни, раскрыть ея внутренній смыслъ. Чтобы дать понятіе не только о ходѣ мысли, но и о самомъ способѣ изложенія, рѣшаюсь передать въ пере-

водѣ мѣсто изъ его брошюръ, гдѣ ставятся начала вопроса, и кладется зерно дальнѣйшему изслѣдованію.

Дѣло идетъ о существѣ различія между тремя главными Христіанскими обществами.

« Что такое протестантство? » — спрашиваетъ нашъ изслѣдователь. « Въ томъ ли его отличительность, что оно протестуетъ въ вопросѣ вѣры? Но тогда протестантами были бы апостолы и мученики, протестовавшіе противъ заблужденій Іудейства и лжи идолопоклонства; всѣ отцы церкви были бы то же протестанты, ибо они протестовали противъ ересей; вся церковь постоянно была бы въ протестанствѣ, ибо она постоянно и во всѣ вѣка протестуетъ противъ заблужденій каждаго вѣка. Слово *протестантъ*, такимъ образомъ, не опредѣляетъ ничего ».

« Состоитъ ли протестантство въ свободномъ изслѣдованіи? Но апостолы свободное изслѣдованіе дозволяли и одобряли. Но святые отцы свободнымъ изслѣдованіемъ защищали истины вѣры,—свидѣтель въ особенности великій Св. Аѳанасій, въ своей героической борьбѣ противъ Аріанства. Но свободное изслѣдованіе, такъ или иначе, составляетъ единственное основаніе истинной вѣры. Римское исповѣданіе, по-видимому, осуждаетъ свободное изслѣдованіе; но когда бы человѣкъ, *свободно изслѣдовавъ всѣ авторитеты Писанія и разума*, пришелъ къ признанію всего его ученія,—стало ли бы оно смотрѣть на него какъ на протестанта? Еще болѣе: когда бы человѣкъ, пользуясь свободою изслѣдованія, просто на-просто пришелъ къ тому убѣжденію, что папскія опредѣленія непогрѣшительны въ дѣлѣ догмата, и что ему остается не болѣе, какъ покориться имъ,—осудитъ ли оно его какъ протестанта? А не правда ли, между тѣмъ, что этотъ пунктъ, который для него дороже прочихъ, будетъ достигнутъ свободнымъ изслѣдованіемъ? Наконецъ, всякое вѣрованіе, всякая смыслящая вѣра есть актъ свободы, и исходитъ изъ предварительнаго свободнаго изслѣдованія, которому человѣкъ подчинитъ, явленія ли то міра внѣшняго и движенія временъ прошедшихъ, или явленія своего міра внутренняго, и свидѣтельство своихъ современниковъ. Смѣю сказать болѣе. Въ случаяхъ исключительныхъ, въ случаяхъ,

когда глась Бога самаго приходить взыскать и возставить душу заблудшую или падшую, душа, простирающаяся ницъ и поклоняющаяся, начинаетъ тѣмъ, что узнаетъ божественный голосъ: она начинаетъ актомъ свободнаго изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи, христіанскія общества различаются одно отъ другого единственно тѣмъ, что нѣкоторыя допускаютъ изслѣдованіе всѣхъ данныхъ, другія же ограничиваютъ ихъ число. Приписывать право изслѣдованія одному протестантству, значитъ приписывать ему честь единственной смыслящей вѣры; но конечно, это не будетъ нисколько по вкусу его противникамъ, и всѣ мыслители, сколько-нибудь серьезные, отклонятъ такое предположеніе».

« Есть ли протестантство — реформа, чѣмъ оно надѣялось быть съ первоначала? Но церковь постоянно реформировала свои обряды и свои чиноположенія, а изъ-за этого никому не приходила мысль назвать ее протестантскою ».

« И такъ, протестантство есть не просто реформа, но сомнѣніе въ существующемъ догматѣ, то есть отрицаніе преданнаго догмата, или живаго преданія, однимъ словомъ— церкви».

. . . . . .

«Міръ протестантскій не есть міръ свободнаго изслѣдованія—оно принадлежитъ всѣмъ людямъ, но—міръ, который свободнымъ изслѣдованіемъ отрицаетъ другой міръ. Отнимите у него міръ, имъ отрицаемый, — онъ умеръ, ибо онъ только и живъ своимъ отрицаніемъ. Составъ ученія, соблюдаемаго имъ еще,—трудъ, выработанный произволомъ нѣсколькихъ ученыхъ и принятый апатическимъ легковѣріемъ нѣсколькихъ милліоновъ невѣждъ, продолжаетъ существовать, благодаря только необходимости противостоять нападеніямъ со стороны Римскаго исповѣданія. Какъ скоро эта необходимость перестаетъ чувствоваться, протестантство тотчасъ разсыпается на индивидуальныя мнѣнія, безъ общей связи. И будто такова цѣль церкви вполнѣ положительной? Вся ея забота относительно другихъ исповѣданій, въ продолженіи 18 вѣковъ, не возбуждается ли единственно желаніемъ, дабы всѣ люди обратились къ истинѣ? »

. . . . . .

« Должно замѣтить, что протестантскій міръ раздѣляется на двѣ части, весьма неравныя по своему числу и по своей важности, — части, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать. У одной есть свое логическое преданіе, хотя она и отрицаетъ преданіе болѣе древнее. Другая довольствуется преданіемъ нелогическимъ. Первая слагается изъ квакеровъ, анабаптистовъ и другихъ сектъ подобнаго рода. Другая состоитъ изъ прочихъ сектъ, называемыхъ реформатскими. У этихъ двухъ половинъ протестантства одинъ общій пунктъ: это точка отправленія,—отрицаніе преданія, существовавшаго въ продолженіе многихъ вѣковъ. Далѣе они расходятся въ своихъ принципахъ. Первая,—связующаяся съ христіанствомъ, впрочемъ только весьма слабою нитью,—допускаетъ новое откровеніе, прямое вмѣшательство божественнаго Духа, и отправляясь съ этого пункта думаетъ образовать одну церковь или многія церкви, съ принимаемымъ безъ сомнѣній преданіемъ и съ постояннымъ вдохновеніемъ. Данная можетъ быть ложною, но ея приложеніе и ея развитіе раціональны: преданіе получаетъ логическое бытіе. Въ другой половинѣ реформатовъ — иначе. Она принимаетъ преданіе на дѣлѣ, и отрицаетъ его право. Примѣръ объяснитъ это противорѣчіе. Въ 1847 г., плывя на пароходѣ по Рейну, я вступилъ въ разговоръ съ однимъ почтеннымъ пасторомъ, человѣкомъ образованнымъ и серьезнымъ. Разговоръ мало по малу перешелъ на предметы религіозные, и въ частности на вопросъ о догматическомъ преданіи, котораго законность пасторъ отвергалъ. Я спросилъ у него, къ какому исповѣданію онъ принадлежитъ. Онъ былъ лютеранинъ. На какихъ основаніяхъ онъ предпочитаетъ Лютера Кальвину? Онъ предложилъ мнѣ весьма ученые доводы. Въ эту минуту, слуга, его сопровождавшій, подносилъ ему стаканъ лимонада. Я просилъ пастора сказать мнѣ, какому исповѣданію принадлежитъ его слуга. Тотъ былъ также лютеранинъ. Почему онъ предпочитаетъ Лютера Кальвину?—Пасторъ остался безъ отвѣта, и показалъ недовольный видъ. Я увѣрилъ его, что не имѣю въ мысляхъ ни малѣйшаго желанія его оскорбить, но думалъ только показать ему бытіе преданія въ протестантствѣ. Смутясь нѣсколько, но тѣмъ не менѣе дружелюбно, пасторъ

сказалъ мнѣ, что онъ надѣется—невѣжество, условливающее эту видимость преданія, разсѣется предъ свѣтомъ науки. « А люди съ слабыми способностями? » спросилъ я его,— «а большая часть женщинъ, а рабочій, которому время едва достаетъ для добыванія насущнаго хлѣба, а дѣти, а незрѣлые юноши, чье сужденіе о вопросахъ столь ученыхъ, каковы раздѣляютъ міръ реформатовъ, не выше дѣтскаго сужденія? » Пасторъ замолчалъ, и послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія сказалъ: «Да, да, тутъ есть кой что (es ist etwas darin), я объ этомъ подумаю. » Мы разстались. Не знаю, думаетъ ли онъ еще до сихъ поръ, но знаю вѣрно, что фактъ преданія у реформатовъ несомнѣнно существуетъ, хотя они и отрицаютъ всѣми силами его начало и законность; и они не могутъ ни поступить иначе, ни выйти изъ этого неизбѣжнаго противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, когда извѣстныя общества, допуская божественное вдохновеніе для всѣхъ своихъ ученій, и для своихъ основателей, съ которыми связаны непрерывною нитью, допускаютъ въ то же время, скрытно или прямо, преданіе: это раціонально какъ нельзя болѣе. Но какое право имѣютъ на это тѣ, кто опираетъ свое вѣрованіе на научномъ знаніи своихъ предшественниковъ? Справедливо или ложно вѣрить, будто Римскій дворъ получаетъ себѣ вдохновеніе съ неба, будто Фоксъ или Іоаннъ Лейденскій были вѣрными органами божественнаго Духа: ихъ рѣшенія остаются тѣмъ не менѣе обязательными для тѣхъ, кто вѣруетъ ихъ призванію. Но вѣрить непогрѣшимости научнаго знанія и знанія противорѣчащаго, это — невозможность въ глазахъ здраваго смысла. Слѣдовательно, всѣ реформатскіе ученые, отвергающіе преданіе, какъ постоянное откровеніе, обязаны смотрѣть на всѣхъ своихъ братій, менѣе ученыхъ, чѣмъ они сами, какъ на лишенныхъ вовсе дѣйствительнаго вѣрованія. Чтобы быть послѣдовательными, они должны сказать имъ: «Братья и друзья, у васъ нѣтъ законной религіи, и она у васъ будетъ только тогда, какъ сдѣлаетесь вы богословами въ родѣ насъ. А покамѣстъ, обойдитесь безъ нея!» Не знаю, бывала ли такая рѣчь, но знаю, что это было бы дѣломъ чистосердечія. Очевидно, что большая половина протестантскаго міра довольствуется преданіемъ, неза-

конпымъ въ собственныхъ глазахъ; а другая половина, болѣе логическая, столько удалилась отъ христіанства, что нечего на ней останавливаться. И такъ, основнымъ характеромъ реформы должно быть признано отсутствіе законнаго преданія. Что отсюда слѣдуетъ? То, что протестантство не расширило правъ свободнаго изслѣдованія, но только уменьшило число несомнѣнныхъ данныхъ, которыя подвергаетъ свободному изслѣдованію своихъ вѣрующихъ (оставляя только Писаніе): точно также какъ Римъ уменьшилъ это число для большей части мірянъ тѣмъ, что отнимаетъ у нихъ Священное Писаніе».

« Достовѣрно, что положеніе протестантовъ, какъ церкви, несостоятельно, и что, отметая законное преданіе, они не могутъ осудить человѣка, когда бы онъ, признавая божественность Св. Писанія, не дошелъ до открытія въ немъ опроверженія ересей Арія или Несторія: ибо такой человѣкъ былъ бы виновенъ только въ глазахъ науки, а не въ глазахъ вѣры. Но я не имѣю здѣсь намѣренія нападать на реформатовъ. Для меня важно показать, что они поставлены въ необходимость принять свое теперешнее положеніе, доведены до этого логически, тогда какъ такого рода необходимость и этого рода логика въ церкви невозможны».

« Со времени основанія своего апостолами, церковь была едина. Это единство, обнимавшее весь извѣстный міръ, связывавшее Британскіе Острова и Испанію съ Египтомъ и Сиріею, не было нарушаемо. Когда возставала ересь, христіанскій міръ посылалъ своихъ представителей, своихъ высшихъ сановниковъ на эти священно-важныя собранія, называемыя соборами, собранія,которыя, не смотря на безпорядки и иногда даже насиліе, затмѣвавшія ихъ чистоту, представляютъ своимъ мирнымъ характеромъ и возвышенностію вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію, благороднѣйшее изъ всѣхъ зрѣлищъ въ исторіи человѣчества. Церковь всецѣло принимала или отвергала опредѣленія этихъ собраній, смотря потому, находила ли ихъ сообразными или противными своей вѣрѣ и своему преданію, и называла вселенскими тѣ изъ соборовъ, которые признавала выраженіемъ своей внутренней мысли. Временный авторитетъ въ вопросахъ дисциплины,— они становились неопровержимымъ и непоколебимымъ свидѣ-

тельствомъ въ вопросахъ вѣры. Они были голосъ церкви. Ереси не нарушали этого божественнаго единства: онѣ были заблужденіями личными, а не расколами провинцій или эпархій. Таковъ былъ порядокъ церковной жизни, внутренній смыслъ котораго, много вѣковъ уже, забытъ совершенно на всемъ Западѣ.»

«Предположимъ, какой-нибудь путешественникъ, въ концѣ 8 или въ началѣ 9 вѣка, приходитъ съ Востока въ одинъ изъ городовъ Франціи или Италіи. Полный мыслію объ этомъ древнемъ единствѣ, полагая себя среди братьевъ, онъ входитъ въ храмъ, дабы освятить седьмой день недѣли. Полный собранности и любви, онъ присутствуетъ при богослуженіи. Онъ слышитъ эти высокія молитвы, наполнявшія его сердце радостію, съ самаго ранняго дѣтства. Онъ слышитъ слова: «Возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ исповѣмы Отца, Сына и Св. Духа». Онъ слушаетъ. А вотъ въ церкви возглашается символъ вѣры христіанской и каѳолической,—символъ, для котораго каждый христіанинъ долженъ жить, и за который долженъ умѣть умирать. Онъ слушаетъ..... это символъ измѣненный, символъ непзвѣстный. На яву или во снѣ онъ это слышитъ? Онъ не вѣритъ своимъ ушамъ, сомнѣвается въ своихъ чувствахъ. Онъ освѣдомляется, проситъ поясненій. Онъ полагаетъ, что зашелъ въ собраніе сектантовъ, отвергнутыхъ мѣстною церковію. Увы, нѣтъ. Онъ слышалъ голосъ самой мѣстной церкви. Весь патріархатъ, и наиболѣе обширный, цѣлый міръ произвелъ расколъ..... Удрученный печалью, путешественникъ жалуется: его утѣшаютъ. «Мы прибавили самую малость», говорятъ ему, какъ не перестаютъ это повторять намъ Латины до сихъ поръ.—Если это малость, за чѣмъ же вы прибавили?—«Это вопросъ совершенно отвлеченный». —Почему же знаете вы, что вы его поняли? ...»—Но это наше мѣстное преданіе».—Какъ оно могло найти мѣсто во вселенскомъ символѣ, вопреки формальному опредѣленію вселенскаго собора, воспретившаго всякое измѣненіе символа?»—Но это преданіе общее, и мы выразили его смыслъ по мѣстному мнѣнію». —Мы не знаемъ этого преданія; да и во всякомъ случаѣ, какимъ образомъ мѣстное мнѣніе можетъ найти

мѣсто во всеобщемъ символѣ? Познаніе божественныхъ истинъ, развѣ уже не есть даръ, ниспосылаемый всеобщности церкви? Чѣмъ заслужили мы такое исключеніе? Не только не подумали вы съ нами посовѣтоваться, но даже не приняли на себя труда увѣдомить насъ. Ужели мы такъ глубоко пали? И однако, едва ли вѣкъ прошелъ, какъ Востокъ произвелъ величайшаго изъ христіанскихъ поэтовъ, и можетъ быть блистательнѣйшаго изъ богослововъ, Дамаскина? И мы считаемъ еще среди себя исповѣдниковъ, мучениковъ вѣры, ученыхъ, философовъ, полныхъ знаніемъ христіанства, подвижниковъ, чья жизнь вся есть молитва? За что вы насъ отвергли? Но сколько бы ни говорилъ бѣдный путешественникъ, расколъ былъ сдѣланъ. *Міръ Римскій совершилъ дѣйствіе, въ которомъ подразумѣвалось объявленіе, что міръ Восточный есть не болѣе, какъ міръ плотовъ въ вѣрѣ и ученіи. Церковная жизнь кончилась для половины церкви*».

Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи авторъ указывалъ, что протестантство есть только продолженіе того отрицанія, того превозношенія частнаго предъ общимъ, которое явилось въ Римскомъ отпаденіи, или, точнѣе сказать, было вторымъ моментомъ, логическимъ послѣдствіемъ перваго отрицанія. Превозношеніе частнаго предъ совокупнымъ должно было вести, въ силу принятаго начала, равное превозношеніе личнаго предъ частнымъ, внутри сферы самаго частнаго, а тѣмъ вмѣстѣ и объявить, слѣдовательно, внутреннюю, скрытую ложь того и другаго.—Впрочемъ, я не намѣренъ вдаваться въ подробныя объясненія этихъ мыслей. Въ дополненіе характеристики, прибавлю только немногія слова, которыми самъ авторъ заключительно выразилъ сущность своего воззрѣнія. «Три великіе голоса»,—говоритъ онъ въ концѣ послѣдней изъ своихъ брошюръ,—«слышатся въ Европѣ:

«Повинуйтесь и вѣруйте моимъ декретамъ, — говоритъ голосъ Рима».

«Будьте свободны, и постарайтесь составить себѣ какое-нибудь вѣрованіе,—говоритъ голосъ протестантства».

«А голосъ церкви говоритъ своимъ дѣтямъ: возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ исповѣмы Отца, Сына и Святаго Духа.»

Но, возвращаясь къ мысли, съ которой началъ свое слово, я позволю себѣ спросить: что, въ воззрѣнiи, съ которымъ мы познакомились, слышна ли только недалекая посредственность, не заслуживающая даже упоминанiй?—Нужно быть слишкомъ высокоумнымъ, или до крайности малоумнымъ, чтобы рѣшиться на такой отзывъ.—Или касается оно интересовъ столь далекихъ, что вниманiе невольно отвлекается другими, болѣе близкими? Но интересъ религiозный собственно никогда не можетъ быть далекимъ. Онъ есть первый всегда и для всякаго, даже для того, кто рѣшился бы сказать о себѣ, что онъ не имѣетъ никакой религiи. То самое, что онъ не признаетъ никакой религiи, было бы уже его религiею. Это было бы своего рода исповѣданiемъ, которое, хотя выраженное отрицательно, сохраняло бы все-таки за собою значенiе основнаго начала для жизни, и, по самому существу своему, не могло и не должно быть ничѣмъ инымъ. Но тѣмъ менѣе можно упрекнуть въ далекости интересъ, возбуждаемый тою религiозною стихiею, среди которой мы живемъ, которая составляетъ несомнѣнную основу нашего прошлаго, и которая если не для всѣхъ продолжаетъ быть такою же основою въ настоящемъ, то, по крайней мѣрѣ, ни для кого не составляетъ чего-либо, прямо и сознательно отринутаго.—Но, можетъ быть, воззрѣнiе объ этой стихiи выражено слишкомъ стереотипно, все это сто тысячъ разъ слышано, и вниманiе притупилось? Но въ томъ-то и дѣло, что, съ *этой* точки, различiе между тремя главными вѣроисповѣданiями печатно высказано именно въ первый разъ.—Сдѣлаемъ еще предположенiе. Не идетъ ли высказанное воззрѣнiе противъ господствующаго у насъ, не скажу — общаго образа мыслей, — его нѣтъ никакого,—но хотя противъ моды на извѣстныя фразы, съ которыми такъ любитъ носиться все, имѣющее притязанiе на образованность? Но если самое популярное слово послѣдняго времени,—что, конечно, внѣ всякаго сомнѣнiя,—есть слово «прогрессъ», и если съ

прогрессомъ желаютъ соединять понятія свободы и разумности, — что̀ равно несомнѣнно, — то чего бы, казалось, лучше, даже для поверхностнаго образованія, даже для этого призрачнаго мышленія, какъ не воззрѣніе, въ которомъ свободѣ изслѣдованія дается право едва ли не обширнѣйшее, чѣмъ какое бывало уступлено ей какимъ бы то ни было положительнымъ ученіемъ?—Но можетъ быть, наконецъ, именно это самое и было виною воззрѣнія: ученіе о необходимости авторитетовъ, можетъ быть, у насъ еще такъ сильно, потребность въ нихъ такъ обща? Но провозглашаемое начало любви тѣмъ-то и дорого, что оно одинаково признаетъ какъ свободу независимости, такъ и свободу въ избраніи авторитета, что свобода поставляется имъ не въ безконечности личнаго права, но само личное право, напротивъ, утверждается имъ въ своей свободѣ именно чрезъ безконечное признаніе права всѣхъ другихъ, взятыхъ вмѣстѣ; что ему противно, слѣдовательно, всякое принужденіе, всякое насиліе, идетъ ли оно съ одного конца или съ другаго; что всякое право, а слѣдовательно и право свободы, само въ себѣ опредѣляется имъ прежде всего какъ обязанность. Таковъ, по крайней мѣрѣ, логическій ходъ мысли. Припоминаю, что подобное мнѣніе высказано было прямо Хомяковымъ въ письмѣ къ Сербамъ. Не помню точныхъ словъ, но смыслъ именно тотъ: «Для полнаго гражданскаго счастія нужно, чтобъ каждый думалъ прежде о своихъ обязанностяхъ, чѣмъ о правахъ, и самое право сознавалъ какъ обязанность».

И такъ, по-видимому, были всѣ данныя, чтобы печатно заявленное воззрѣніе встрѣтило если не сочувствіе, то, по крайней мѣрѣ, разумный споръ, или повело хотя къ живому обмѣну мыслей. Но сочувствіе.... его выказалъ едва ли не одинъ какой-то Итальянецъ, который, по появленіи брошюръ, откликнулся на нихъ въ Москву съ своей далекой родины, и, можетъ быть, еще нѣсколько другихъ, столь же мало извѣстныхъ. Разумный споръ поднятъ былъ, по собственно въ Германіи, какимъ-то Нѣмцемъ Канфомъ, послѣ перевода брошюръ на Нѣмецкій языкъ. Обмѣна же мыслей, съ обыкновенными при семъ взаимными поясненіями, уступками и т. п., вовсе не послѣдовало даже въ той сферѣ,

которая, по-видимому, спеціально на то призвана. Въ нашей литературѣ, правда, подымался по временамъ споръ, но впрочемъ противъ цѣлой школы, къ которой принадлежалъ Хомяковъ, и собственно противъ соціальныхъ или историческихъ частностей ея воззрѣнія. Съ видомъ большаго или меньшаго небреженія, стыдили, напримѣръ, школу заимствованіемъ понятій о Русской общинѣ у Гакстгаузена, странно не доглядывая при этомъ, что самъ Гакстгаузенъ, наоборотъ, нѣкоторымъ лицамъ этой школы, и между прочимъ Хомякову, обязанъ своими свѣдѣніями о Русской общинѣ. Или, съ большимъ или меньшимъ сознаніемъ безконечнаго превосходства, говариваемо было о неразумномъ стремленіи воротить Россію на полтораста лѣтъ назадъ, какъ-будто когда, гдѣ и кѣмъ это было высказано, хотя однимъ словомъ! Собственное же воззрѣніе Хомякова и коренная сущность его воззрѣній, убѣжденія философскія и религіозныя, игнорировались совершенно, и развѣ изрѣдка встрѣчали презрительное указаніе на *византійство*,—какъ будто словомъ этимъ что-нибудь сказывается!

«Однако это недобросовѣстно», скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые. Я не скажу и этого,—и не потому только, что всякая укоризна была бы недостойна настоящаго печальнаго воспоминанія. Нѣтъ, по мнѣ кажется, вообще говорить о добросовѣстности можно только тамъ, гдѣ вопросъ о совѣсти поставленъ. А гдѣ нѣтъ и этого, тамъ странно укорять за недобросовѣстность,—столь же странно, какъ гнѣваться на міръ глухихъ за несоблюденіе мелодіи. Въ фактѣ, который мы указали, и который есть одинъ изъ тысячи другихъ, повторяющихся при другой обстановкѣ, совсѣмъ въ другихъ приложеніяхъ, я нахожу простое физіологическое отправленіе нашего общественнаго организма; это—естественное послѣдствіе всего характера нашего образованія. Прибавлю къ этому, что здѣсь видѣнъ слѣдъ его происхожденія. Тамъ, гдѣ образованіе есть всенародно чувствуемая потребность, гдѣ разработка въ мысленной сферѣ является какъ отвѣтъ на вопросы, прямо возбуждаемые коренными стихіями быта и непосредственно окружающею природою, — тамъ ученый, литераторъ, артистъ и всякаго

рода общественный дѣятель, являются не болѣе, какъ сотрудниками и спомогателями въ общемъ движеніи народнаго преуспѣянія; тамъ есть общее начало, которому служить всѣ одинаково считаютъ себя обязанными, и которое безмолвнымъ согласіемъ каждаго признается выше мелкихъ требованій личности и частныхъ интересовъ всякаго рода. Тамъ, стало быть, и возможенъ нравственный элементъ въ образованіи: потому именно самому, что есть взаимность, основываемая не на исключительномъ интересѣ, но на уваженіи къ общему началу, представляющему интересъ всесовокупный. Тамъ, стало быть, возможно и нравственное сочувствіе, то есть, основанное на этомъ самомъ уваженіи къ общему. Тамъ, стало быть, возможенъ и разумный споръ, ибо дано для него единство основанія. Тамъ, наконецъ, возможенъ и плодотворный обмѣнъ мыслей, ибо каждая частная мысль и каждая частица дѣятельности можетъ быть органическимъ членомъ въ общемъ движеніи, взаимно зависѣть отъ *другихъ и взаимно условливать другія*. — *Но* тамъ, гдѣ образованіе пришло сверху, явилось внезапно, съ перваго раза опредѣлилось какъ власть, водворялось насильно,—тамъ, по необходимости, оно должно явиться привилегіею, даровымъ удѣломъ меньшинства, для котораго *малознающій становится уже не спомогающимъ братомъ*, имѣющимъ право взаимно и на мою помощь, а потомъ, паріею, нуждающимся въ моемъ снисхожденіи и покровительствѣ. Въ просвѣщеніе примѣшанъ элементъ презрѣнія къ ближнему, господство частнаго и личнаго, и нравственное значеніе загублено съ перваго раза. Самое знаніе получаетъ, за тѣмъ, всѣ признаки, отличающіе внѣшнее пріобрѣтеніе вообще. Мнѣнія мѣняются легко, ибо держатся не на существенной потребности. Между тѣмъ, къ каждому изъ нихъ, пока оно держится, прилагается вся исключительность нетерпимости, опять потому же самому, что нѣтъ общаго, чему бы оно покорялось.—оно только представитель частнаго или личнаго. Словомъ, духовная дѣятельность пріобрѣтаетъ характеръ *матеріальной* собственности; а съ тѣмъ вмѣстѣ, образованіе, слѣдовательно, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ оно должно быть, т. е., образованіемъ. Оно становится не

дѣятельностію мысли, а пустою внѣшностію, массою свѣдѣній и общихъ мѣстъ, иногда съ призрачнымъ нарядомъ систематичности: духовное начало даже не тронуто. Какая же тутъ возможна логичность спора? Какая возможна безкорыстность сочувствія? Споръ долженъ являться одною заносчивостію, несогласіе — отзываться личнымъ оскорбленіемъ. А обмѣнъ мыслей и будетъ не болѣе какъ обмѣномъ, т. е., механическимъ отложеніемъ и приложеніемъ. И когда, среди такой сферы, нечаянно явится въ комъ не призракъ только мысли, а мысль, и не призракъ убѣжденія, а истинное убѣжденіе, не правда ли, онѣ не будутъ не только признаны, но даже узнаны? Къ нимъ отнесутся, какъ къ тому же, чѣмъ заявляетъ себя вся общность существующаго образованія, т. е., какъ къ призраку. И какъ, среди данныхъ условій, при отсутствіи высшаго духовнаго начала, съ которымъ бы свѣрялась частная мысль, и тѣмъ рѣшалась ея пріемлемость, словомъ—при отсутствіи нравственной силы мнѣнія, опредѣляющимъ началомъ должна вступить сила физическая, такъ сказать — внѣшняя обширность голоса, или простое количество провозглашателей,—то всякая живая и самостоятельная мысль рискуетъ пройти даже совершенно незамѣченною.

Скоро ли пройдетъ эта печальная пора нашего развитія; не поднимается ли уже заря новой, лучшей для него эры; и не предвидится ли она именно въ грядущей важной нашей реформѣ: все это покажетъ,—оправдаетъ или опровергнетъ время. Но дотолѣ, къ остающимся еще дѣятелямъ, для которыхъ нравственный вопросъ въ образованіи не пустое слово, которые всѣми силами души служатъ высшему духовному началу, каждый по степени своего разумѣнія, словомъ, дотолѣ, ко всѣмъ остающимся людямъ убѣжденія нельзя не обратиться съ словами поэта, того же поэта, нашего покойнаго предсѣдателя:

Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ!
Цѣлый міръ кругомъ храпитъ,
А отъ думъ неугомонныхъ
Вашъ тревожный умъ не спитъ!

Бродитъ, ищетъ, рѣчь заводитъ
Съ тѣмъ, съ другимъ,—все пользы нѣтъ!
Тотъ глазами чуть поводитъ,
Тотъ сквозь сонъ кивнетъ отвѣтъ.
Вотъ, оставивъ братьевъ спящихъ,
Вы ведете въ тмѣ ночной,
Не смыкая вѣждъ горящихъ,
Думу долгую съ собой.
И надумались, и снова
Мысли бурно закипятъ:
Будите того, другаго,—
Всѣ киваютъ, да молчатъ!
Вы волнуетесь, горите,
Въ сердцѣ горечь, въ слухѣ звонъ,—
А кругомъ-то, посмотрите,
Какъ отраденъ сладкій сонъ!
Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ:
Ужъ не лучше ль вамъ заснуть,
И отъ думъ неугомонныхъ,
Хоть на время, отдохнуть.

И. Г-въ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ВЪ ПАМЯТЬ А. С. ХОМЯКОВА.

(Читано, 7 Октября, 1860, въ С.-Петербургскомъ Университетѣ.)

Въ нынѣшнюю бесѣду мою съ вами, мм. гг., я намѣренъ посвятить нѣсколько словъ памяти А. С. Хомякова: онъ былъ благодѣтелемъ моимъ, и онъ указалъ мнѣ, еще въ первой моей молодости, тотъ путь, которому я не перестаю и не перестану слѣдовать въ моихъ трудахъ; его живое сочувствіе къ моимъ занятіямъ постоянно укрѣпляло и животворило меня и во все послѣдующее время. Вы не осудили бы меня, мм. гг., если бы даже, по чувству личной моей благодарности, послѣ подобной утраты, я занялъ нѣсколько мгновеній вашихъ памятью человѣка, которому я столькимъ обязанъ въ разработкѣ предмета, мною вамъ излагаемаго. Но настоящая утрата есть утрата въ полной мѣрѣ общественная, утрата великая для Русской науки, Русской поэзіи и Русской жизни. Дѣятельность Хомякова, независимо отъ всего того, что̀ намъ оставлено его безсмертнымъ перомъ, была такъ многосторонняя и обширна, что характеризовать ее невозможно въ бѣгломъ очеркѣ: она обозначится въ будущемъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ зрѣлѣе и явственнѣе будутъ плоды ея. Выражусь опредѣлительнѣе: Хомяковъ былъ начинателемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и такъ какъ онъ положилъ начало мыслямъ и стремленіямъ существенно нужнымъ и плодотворнымъ для Россіи, такъ какъ стремленія эти органически связаны съ духовною ея жизнью, то вліяніе его, и послѣ его смерти, не можетъ не расти и не распространяться съ каждымъ днемъ, съ каж-

дымъ годомъ, и его начинаніе не можетъ не обратиться, наконецъ, въ дѣло совершенное, всѣми признанное и всѣмъ доступное.

Какое же было начинаніе Хомякова? къ какому дѣлу онъ повелъ наше отечество?

Хомяковъ положилъ въ Россіи основаніе самобытному мышленію, стремясь оторвать нашу умственную дѣятельность отъ мертвящихъ формъ, усвоенныхъ нами, на вѣру, изъ-чужи; по убѣжденію, которое постоянно высказывалъ Хомяковъ, свобода мысли можетъ возникнуть у насъ только изъ коренныхъ началъ Русской и Славянской народности за одно со всѣми выводами и пріобрѣтеніями обще-человѣческаго просвѣщенія. Во всѣхъ отрасляхъ знанія, начиная съ философіи и оканчивая механикой, въ исторіи народовъ и въ исторіи религій, въ эстетикѣ и политикѣ, въ опредѣленіи сущности христіанскихъ церквей и въ опредѣленіи сущности Индо-Европейскихъ языковъ, въ археологіи и юриспруденціи, во всемъ онъ совмѣщалъ полное знакомство съ выработаннымъ досель матеріаломъ, и въ то же время съ совершенною самобытностью взгляда. Много самобытнаго, много живаго и новаго высказалъ онъ въ своихъ разнообразныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ; конечно, столько же *самобытнаго, живаго и новаго постоянно отъ него слышали* люди, приближавшіеся къ нему. На всѣхъ онъ производилъ самое благотворное вліяніе: всѣхъ побуждалъ къ всесторонему изученію предмета и къ независимости мышленія. Я уже упомянулъ о вліяніи Хомякова на мою ученую дѣятельность: онъ первый познакомилъ меня съ трудами Нѣмецкихъ и Англійскихъ санскритистовъ, съ трудами Боппа, Лассена, Вильсона; онъ же старался направить всѣ мои силы на самостоятельную разработку моей науки. Чего Хомяковъ требовалъ отъ меня въ скромной сферѣ моихъ занятій, того онъ требовалъ отъ всякаго Русскаго дѣятеля, и отъ всей совокупности Русскихъ дѣятелей, т. е., отъ всей Русской земли: онъ требовалъ самобытнаго просвѣщенія, требовалъ внутренней умственной и духовной свободы. Какъ онъ былъ противникомъ всякаго вещественнаго порабощенія и своимъ вліяніемъ старался потрясти въ Рус-

скомъ обществѣ мнѣніе о необходимости и законности крѣпостнаго состоянія, такъ точно ненавидѣлъ онъ, всѣми силами любящей души своей, рабство умственное, рабство духовное. Потому-то онъ постоянно ратовалъ противъ тѣхъ людей, которые слѣпо вѣруютъ всякой новости, приносимой съ Запада, и думаютъ, что Россія осуждена двигаться не иначе, какъ въ заколдованномъ кругу безъисходнаго подражанія всѣмъ формамъ западной образованности; но также, и съ тою же энергіей, и съ тѣмъ же постоянствомъ, ратовалъ онъ и противъ тѣхъ, которые не хотятъ, изъ умственной лѣни, знать западной, или, выражаясь вѣрнѣе, которые не хотятъ знать никакой образованности, находя успокоительную отраду для своего невѣжества въ воображаемомъ патріархальномъ совершенствѣ своего неподвижнаго существованія. Приведу стихотвореніе Хомякова, въ которомъ превосходно выразился взглядъ его на послѣднее направленіе:

«Мы родъ избранный, говорили
Сіона дѣти въ старину.
Намъ Божьи громы осушили
Морей волнистыхъ глубину,
Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
И дымъ и огнь, какъ Божье знамя,
Въ пустыняхъ намъ казали путь.
Намъ камень лилъ воды потоки,
Дождили манной небеса,
Для насъ законъ, у насъ пророки,
Въ насъ Божьей силы чудеса.»

Не терпитъ Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
Мы соль земли, мы столбъ святыни,
Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ.
Не съ тѣми онъ, кто звуки Слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ,
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душею мертвъ и спитъ умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.
Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ
Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ олтаямъ.
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный міръ, Господень храмъ.

Въ понятіяхъ Хомякова, Россія призвана играть, при полномъ развитіи *началъ, ей одной свойственныхъ, высокую*, не съ одной вещественной стороны, роль во всемъ образованномъ человѣчествѣ. Приведу небольшое стихотвореніе, написанное имъ по случаю перевезенія Французами тѣла Наполеона съ острова Св. Елены въ Парижъ:

Когда мы разрыли могилу вождя
И *вызвали гробъ на сіяніе дня*,
Въ насъ сердце сжалось отъ страха.
Казалось, лишь тронемъ свинецъ гробовой,
Лишь дерзко подымемъ преступной рукой
Покровъ съ могучаго праха,—

Сердитыя волны вскипятъ на моряхъ,
Сердитыя тучи взбѣгутъ въ небесахъ,
И вихрь средь знойнаго поля!
И снова польется потоками кровь,
И, вставши, всю землю потребуетъ вновь
Боецъ—желѣзная воля.

Мы сняли покровы. Глядимъ—небеса
Спокойны, безмолвны поля и лѣса,
И тихи зеркальныя волны!

И все озлатилось вечернимъ лучемъ,
И мы вкругъ могилы стоимъ и живемъ—
И силъ, и юности полны!

А онъ недвижимъ, онъ—гремящій въ вѣкахъ,
Онъ—сжавшій всю землю въ орлиныхъ когтяхъ,
Мужъ силы, молнія брани!
Уста властелина на вѣки молчатъ,
И смертью закрытъ повелительный взглядъ,
И смертью скованы длани.

И снова скрѣпляя свинецъ роковой,
Тогда оросили мы горькой слезой
Его доску гробовую;
Какъ будто сложили подъ вѣчный покровъ
Всю силу души и всю славу вѣковъ,
И всю гордыню людскую.

Вотъ еще стихотвореніе, обозначающее, чего Хомяковъ желалъ для Россіи, чего ожидалъ онъ отъ нея:

Сокрытъ въ глуши, въ тѣни древесной,
Любимецъ музъ и тихихъ думъ,
Фонтанъ живой, фонтанъ безвѣстной,
Какъ сладокъ мнѣ твой легкій шумъ.
Поэта чистая отрада,
Тебя не сыщетъ въ жаркій день
Копыта жаждущаго стада
Ниль поселянъ бродящихъ лѣнь;
Лѣсовъ зеленая пустыня
Тебя широко облегла,
И вѣры ясная святыня
Тебя подъ кровъ свой приняла;
И не скуютъ тебя морозы,
Тебя не ссушитъ лѣтній зной;
И льешь ты серебряныя слезы
Неистощимою струей.

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключь:
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу, да Его святымъ.

Но водоема въ тѣсной чашѣ
Не вѣчно будетъ заключенъ.
Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй и краше,
И глубже будетъ литься онъ.
И вѣрю я, тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На голубое небо взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались.

И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіянъ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины.
Смотрите! мчатся черезъ волны,
Съ богатствомъ мыслей, корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Благотворители земли.

Возможность разрѣшенія для Россіи подобной задачи Хомяковъ находилъ въ бытовыхъ стихіяхъ Русскаго народа и вообще Славянскаго міра. Но его просвѣтленная любовь

къ родинѣ отнюдь не имѣла характера слѣпой страсти: слишкомъ осязательно ощущалъ онъ горькую дѣйствительность, ясно сознавалъ онъ всѣ преграды къ осуществленію подобнаго призванія, коренящіяся частью въ самой исторіи нашей. Поэтому, въ его стихотвореніяхъ часто слышится другой голосъ, громко зовущій къ покаянію—

О недостойная избранья!
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!
Душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли.
И встань потомъ вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчь,
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечемъ—то Божій мечъ.

Столь сильное сознаніе горькой дѣйствительности нисколько не лишало, какъ видимъ мы, нашего поэта твердой вѣры, что задача, поставленная Провидѣніемъ для Россіи, будетъ ею выполнена. Высокая душа Хомякова тою же любовью обнимала и другіе народы. Вотъ одно изъ его стихотвореній, относящееся къ обстоятельствамъ послѣдняго времени:

Помнишь, по стезѣ нагорной
Шли мы лѣтомъ; солнце жгло,
А полнеба тучей черной
Съ полудня заволокло.
По стезѣ песокъ горючій
Ноги путниковъ сжигалъ,
А изъ тучи вихрь летучій
Капли крупныя срывалъ.

Быть громамъ, и быть ударамъ!
Быть сверканью въ облакахъ,
И ручьямъ по крутоярамъ,
И потопамъ на лугахъ!
Быть грозѣ! но буря злая
Скоро силы истощитъ;
И, сіяя, золотая
Зорька въ небѣ погоритъ.

И въ *обьятья кроткой ночи*
Передастъ покой земли,
Чтобы зорко звѣздны очи
Сонъ усталой стерегли;
Чтобъ съ Востока, утромъ рано,
Загораясь въ небесахъ,
Свѣтъ румяный зрѣлъ поляны
Всѣ въ росинкахъ и цвѣтахъ.

И теперь съ полудня темной
Тучей кроетъ небеса;
И за тишью вѣроломной
Притаилася гроза.
Гулъ растетъ, какъ въ спящемъ морѣ
Передъ бурей роковой;
Вскорѣ, вскорѣ, въ бранномъ спорѣ,
Закипитъ весь міръ земной:

Чтобъ *страданьями—свободы*
Покупалась благодать;
Чтобъ готовились народы
Зову истины внимать:
Чтобы гласъ ея пророка
Могъ проникнуть въ духъ людей,
Какъ глубоко лучъ съ Востока
Грѣетъ влажный тукъ полей.

Вы видите, мм. гг., изъ приведенныхъ мною стихотвореній и вы увидите изъ всѣхъ стихотвореній *Хомякова*,

что его любовь къ коренному Русскому быту и живымъ его началамъ не была исключительна: она обнимала всѣ народы, и онъ призывалъ свою Россію къ дѣламъ полезнымъ для всего человѣчества; ея величіе, по столь опредѣленно выраженнымъ пламеннымъ желаніямъ нашего поэта, должно, наконецъ, сдѣлаться величіемъ и красою всего рода человѣческаго. А чѣмъ же инымъ способны мы послужить человѣчеству, какъ не самобытнымъ трудомъ на поприщѣ всечеловѣческаго просвѣщенія? Что иное можетъ вывесть насъ изъ постоянно-пассивнаго положенія и превратить насъ въ столь же бодрыхъ и живыхъ дѣятелей, каковы вообще другіе Европейскіе народы, къ которымъ принадлежимъ мы?—Но между всѣми народами Хомяковъ съ особенною любовью обращалъ свой взоръ на племена, связанныя съ Россіей кровнымъ родствомъ, связанныя съ нею тождествомъ бытовыхъ стихій и отчасти единствомъ вѣры. И прежде Хомякова нѣкоторые люди занимались у насъ заграничными Славянами; но на нихъ обращали вниманіе, или исключительно съ точки зрѣнія внѣшней политики, или съ точки зрѣнія сухой научной отвлеченности, если позволю себѣ такъ выразиться, съ точки зрѣнія корнесловія: Хомяковъ первый выразилъ вполнѣ мысль о жизненной связи Россіи съ Славянскимъ міромъ. Онъ посѣялъ у насъ убѣжденія, что Славяне важны для Россіи не только въ отношеніи къ ея политикѣ и не только для корнесловія, но особенно для живаго самосознанія Русскаго народа. Онъ смотрѣлъ на нихъ и училъ насъ смотрѣть на нихъ какъ на братій, безъ которыхъ Русскій народъ стоялъ бы одинокимъ на свѣтѣ, и Русскій духъ не могъ бы достигнуть полнаго своего самосознанія.

Этимъ ограничусь. Характеристика Хомякова, какъ я уже сказалъ, недоступна бѣглому очерку. Къ тому же, это былъ человѣкъ такой высоконравственной души, что для достойной характеристики его надо самому подняться на высоту почти недосягаемую. Друзьямъ его, когда былъ онъ живъ, образъ этой прекрасной жизни казался такъ естественъ, запасъ ея казался такъ неисчерпаемъ, что мысль объ его утратѣ не могла тревожить никого изъ нихъ.

Понятіе о жизни его какъ-то тѣсно связывалось съ понятіемъ о собственной нашей жизни; потерять его значило бы потерять себя, ибо каждый изъ его друзей въ немъ находилъ другаго себя, только въ лучшемъ и болѣе совершенномъ видѣ, и, поговоривъ съ нимъ, дѣлался совершеннѣе и лучше. Не такъ распорядилась судьба: мы остались, а его нѣтъ уже между нами. Но часть души нашей, замирая при мысли объ утратѣ такого друга, въ то же время яснѣе какъ-то узрѣваетъ этотъ прекрасный духовный образъ, гостившій между нами; вся его земная жизнь сосредоточивается передъ нами и говоритъ намъ: « Я не оставилъ васъ и здѣсь, всматривайтесь въ меня, не покидайте меня, не покидайте моей любви, моего дѣла.» Дай Богъ намъ, друзьямъ его, не покинуть до послѣдней минуты себя и его дѣла, какъ онъ себя не покинулъ; дай Богъ, чтобы этому слѣдовали и тѣ, которымъ не было дано знать его лично, имѣя, также какъ и мы, но безъ личной горькой утраты, живыя внушенія его музы, которой гармоническій голосъ не замолкнетъ, доколѣ звучать будетъ на свѣтѣ Русское слово.

К. Коссовичъ.

КОНСТАНТИНЪ СЕРГѢЕВИЧЬ

АКСАКОВЪ.

Еще жертва! Константинъ Аксаковъ скончался, на одномъ изъ Іонійскихъ острововъ, 7 Декабря.

Впрочемъ, онъ пересталъ жить еще гораздо прежде — со дня кончины своего отца (незабвеннаго автора Семейной Хроники), отца, котораго любилъ онъ страстно, съ которымъ жилъ именно душа въ душу. Крѣпкій, сильный, могучій, вдругъ онъ началъ слабѣть, худѣть, изнемогать, и съ часу на часъ становилось очевиднѣе для близкихъ къ нему людей, что онъ уже не жилецъ на этомъ свѣтѣ. Въ скоромъ времени его нельзя было узнать, такъ онъ перемѣнился, и только изрѣдка, когда въ дружеской бесѣдѣ касалась рѣчь до судебъ Русскаго народа, въ блѣдныхъ щекахъ его показывался румянецъ, и въ потухающихъ глазахъ загорался огонь.

Въ началѣ нынѣшняго года, друзья придумали для его развлеченія путешествіе къ Славянамъ. Онъ уступалъ уже ихъ настоятельнымъ требованіямъ, но вдругъ занемогъ; врачи предписали ему, наконецъ, виноградное леченіе на берегахъ Женевскаго озера. Къ несчастію, погода случилась тамъ самая неблагопріятная: виноградъ не имѣлъ нужныхъ для больнаго качествъ. Онъ долженъ былъ удалиться въ Вѣну, провождаемый меньшимъ своимъ братомъ, Иваномъ Аксаковымъ.

Извѣстіе о смерти Хомякова, съ которымъ онъ былъ связанъ тѣснѣйшею дружбой, должно было, по всѣмъ соображеніямъ, довершить пораженіе его разстроеннаго организма. Семидесятилѣтняя мать, съ двумя полубольными дочерьми, не смотря на всѣ препятствія и совѣты, поспѣшила къ нему, чтобъ поддержать его сколько-нибудь подъ этимъ неожиданнымъ ударомъ, чтобъ успокоить его духъ,—и имѣла одно горькое утѣшеніе принять послѣдній вздохъ любимаго, безпримѣрнаго сына.

Они всѣ вмѣстѣ отплыли изъ Тріеста. Плаваніе было прекрасное. Солнце сіяло во всемъ блескѣ, въ продолженіе четырехъ сутокъ море не шелохнулось. Оно какъ-будто хотѣло доставить больному, предъ его кончиною, нѣсколько спокойныхъ и пріятныхъ земныхъ минутъ. Черезъ двѣ недѣли по прибытіи на островъ Занте его не стало. Телеграфъ не сообщилъ болѣе никакихъ подробностей.

Чище, благороднѣе, невиннѣе Константина Аксакова мудрено было въ нашъ вѣкъ найдти человѣка. Сорока слишкомъ лѣтъ, онъ былъ дитя во всемъ, что касалось до жизни, до ея отношеній, условій, свѣтскихъ приличій. Русскій народъ, Москва, граматика, вотъ его особый міръ. Русскій народъ любилъ онъ отъ всего сердца; онъ благоговѣлъ передъ нимъ, или, скажу вѣрнѣе, передъ его плесю, какъ она, въ пылкой душѣ его, по лѣтописямъ, грамотамъ, языку, образовалася. Москва, въ понятіи его составляла съ Русскимъ народомъ одно нераздѣльное цѣлое, — представительница, средоточіе, сердце. Сказать одно слово противъ Москвы, *въ какомъ бы то ни было смыслѣ*,—это было самое тяжелое, личное оскорбленіе Константину Аксакову, — рана его тѣлу; здѣсь онъ забывался, ничего не видалъ, ничего не понималъ, и способенъ былъ ко всякой несправедливости. Рѣчь его, въ минуты одушевленія, бывала со властію, и отличалась *истинными ораторскими достоинствами и движеніями*. Вообще онъ говорилъ, особенно безъ приготовленія, гораздо лучше и сильнѣе, чѣмъ писалъ. Убѣжденіямъ своимъ принадлежалъ онъ всецѣло, не думая и не заботясь ни о чемъ больше. Не было жертвы, которой бы онъ не готовъ былъ принести имъ безъ всякаго сомнѣнія, размышленія, *соображенія, просто*— закрывъ глаза. Миръ его душѣ, память достойнаго съ похвалами!

Декабря 28.

М. Погодинъ.